
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 10, № 3, 2018

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

RUSSIAN JOURNAL OF HUMANITIES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 10, Number 3, 2018

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2018

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2018

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 10, № 3, 2018, 124 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Russian Journal of Humanities, Volume 10, Number 3, 2018, 124 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2018

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института массмедиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИиГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Мищенко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеологии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of

---

International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archaeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**LITERATURE STUDIES**

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-3-12-23

УДК 821.512.142.0

**ОБРАЗ И ЕГО ЗНАКОВАЯ ПРИРОДА
(К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)***Узденова Ф.Т.*

Цель состоит в исследовании парадигмы национально-этнических представлений, связанных с традиционной картиной мира этноса, социально-исторической и культурно-адаптивной деятельностью; выявлении ценностных ориентаций, или спецификатов (на различных стадиях исторического развития), обусловивших изменение в эволюционном развитии этнокультурного сознания.

Метод. В работе использованы сравнительно-исторический, структурно-семиотический, герменевтический методы.

Результаты. Исследованы образы объектного мира, процессы их смыслопорождения, отражения и преломления в этносознании карачаево-балкарцев. Выявлены образы-семы, отражающие глубинные процессы этносознания и выступающие маркерами этнокультурной идентичности. Поскольку прояснение сущности и структуры национально-этнического сознания невозможно без комплексного изучения его феноменов, объективированных в символе, анализу подвергнуты базисные концепты. На примере концепта «дорога/путь» показаны особенности мировосприятия этноса, обусловленные рекреативным опытом и топологическим пониманием пути как способа познания пространства, а также сакрализацией смыслов, связанных с экзистенциальными представлениями.

Область применения результатов. Результаты исследования могут найти применение в ходе выполнения интегративных культурологических, философских, лингвистических научных проектов, исследований по семиотике.

Ключевые слова: образ; знак; семиотика; концепт «дорога/путь»; карачаево-балкарская поэзия; этнокультурная идентичность.

IMAGE AND ITS SIGN NATURE (TO THE ISSUE OF THE ETHNOCULTURAL IDENTITY)

Uzdenova F.T.

Purpose. *The purpose is to study the paradigm of national-ethnic representations connected with the traditional picture of the world of the ethnos, socio-historical and cultural-adaptive activities, identification of core values, or specificators (at various periods of historical development) that led to a change in the evolutionary development of ethno-cultural consciousness.*

Method. *The work uses the comparative-historical, structural-semiotic, and hermeneutic methods of investigation.*

Results. *The images of the objective world, the processes of their meaning creation, reflection and refraction in the ethno-consciousness of the Karachay-Balkarians have been studied. The images-emes, reflecting the deep processes of ethno-consciousness of the Karachays and the Balkarians, thus serving as ethnocultural identity markers, have been revealed. Since the clarification of the essence and structure of national-ethnic consciousness is impossible without a comprehensive study of its phenomena objectified in the symbol, the basic concepts have been subjected to analysis. On the example of the 'road/way' concept, features of the world perception of an ethnos have been shown, conditioned by recreative experience and topological understanding of the road as a way of cognition of space, as well as sacralization of meanings connected with existential concepts.*

Practical implications. *The results of the research can be used in the course of the implementation of integrative cultural, philosophical, linguistic scientific projects, studies on semiotics.*

Keywords: *image; sign; semiotics; 'road/way' concept; Karachay-Balkar poetry; ethnocultural identity.*

На современном этапе развития национального литературоведения исследование художественных форм, этнических маркеров, посредством которых осуществляются «выходы» на этноментальную составляющую народа, наряду с проблемами генезиса и типологии приобретает четко выраженные границы. Актуализация проблемы национально-этнического, соотношения национального и инационального, общего и особенного в традиционной картине мира карачаевцев и балкарцев «продиктована» во многом интенсивными поисками адекватной стратегии сохранения этнокультурной идентичности. Не менее значимой представляется и проблема национальной атрибуции: этнические знаки, или меты, – репрезентаты этносознания горцев. И в этом смысле прояснение сути и роли символической «форманты» в карачаево-балкарском фольклоре, путей и способов ее трансляции в авторскую литературу даст возможность обеспечить наиболее полное представление императивов, «оформляющих» национальную специфику миропонимания и мировосприятия.

Устойчивые сквозные концепты и обязательные этические и этикетные императивы, являющиеся основанием тех или иных рефлексивных моделей в их этнической аутентичности, по сути дела, уже определяют национальное качество эстетических представлений. Мирозренческая специфика и философское своеобычие национальной картины мира воплощены в сумме идей и концепций, свойственных народу-носителю.

Однако абстрактные номинации национальных концептов, пусть даже имеющие уникальный и узнаваемый вид и приобретшие форму этнозакрепленных терминов (например, «вендетта» у корсиканцев), не создают этнического пространства, хотя, конечно же, адресуют реципиента к таковому.

Лишь посредством апелляции к свойствам и характеристикам объектов этнического «окраса» мы приближаемся к конкретным идентификационным моделям. Вспомним К. Кулиева: «Хар къаяны кесини халы, / Сыфаты, тюрсюню...» [8, с. 88] («У каждой скалы свой нрав, облик, вид...»). Аналогично у Б. Лайпанова: «Хар джуртну кесини Къадау Ташы... / Хар джуртну кесини Джангыз Терегі...»

[10, с. 61] («У каждого народа свой заветный камень, свое священное дерево...»). В общем для всех универсуме этническое сознание трактует объекты и процессы внешнего мира, сообразуясь с уникальным опытом народа, его специфическим, рекреативно детерминированным пониманием функций и места этих объектов и процессов. Исследователь З. Кучукова соотношение понятий «онтология» – «этноонтология» (собственно, в этой плоскости идет речь) проиллюстрировала на примере «дома»: «*Дом* – категория абстрактная, но в реальной действительности она приобретает форму хижины, хаты, землянки, бревенчатой избы, сакли, бунгало, вигвама, юрты и т.д. Каждый модифицированный вариант сохраняет в себе комплекс основных признаков дома (огороженное пространство, укрытие, защитные свойства, символическая семантика и др.), и вместе с тем он имеет специфические черты, обусловленные этническими традициями, исторической целесообразностью, климатическими условиями» [9, с. 12–13]. Нередко феномены этнокультуры рассматриваются с позиции интертекстуальности, что позволяет наряду с денотативной семантикой «проявиться» коннотативным формулам [1; 2; 3; 13].

Примеры подобного рода связаны с особенностями этноландшафта и национальных жизнеобеспечивающих практик, однако существуют и другие типы культурных представлений, национальная окрашенность которых имеет исторически обусловленную природу. Так, через архетип *пути* подается мотив тоски по родине в творчестве карачаево-балкарских авторов, что, вне всякого сомнения, связано с традициями поэзии выселения. Топологическое же понимание *пути* как способа познания пространства, его освоения у горцев также присутствует в этнически обозначенном виде – оно непосредственно связано с образом воды по вполне понятным причинам: в горах дороги прокладываются вдоль рек. Следует отметить, что физическая близость объектов в горах (дорога, река, облако, скала, населенный пункт – всё это может располагаться в пределах одного пространства, в пределах, так сказать, одного взгляда) предопределяет изначальную взаимную интегрированность поэтических слепков этих объектов, причём не только в материальном мире,

но также и в духовном: «Дороги кулиевских героев, возносясь из ущелий и пещер и трансформируясь в горы, олицетворяют не только земную реальность, но и сферы особого духовного состояния... Мотив *дом–дорога* образует композиционное кольцо в балкарской поэзии периода выселения, являясь логическим завершением темы пути в судьбе депортированного народа» [5, с. 7].

Синкретичность архетипического ядра «родина–дом–дорога» обнаруживается в четко выдержанной и стройной концепции, позволяющей идентифицировать онтологическую картину мира. Причем для горских поэтов в последовательности переходов от составляющих данного синтетического концепта обнаруживается его явная «физическая» основа – упомянутая близость и насыщенность пространства гор реальными прототипами поэтических образов гарантирует интерпретацию концепта в виде связанных, но самодостаточных картин пространственного плана. У авторов, чье мировосприятие складывалось в более «разреженной» материальной среде, трактовка линейной протяженности, как правило, предполагает непрерывность и целостность описываемого, поэтому объектом изображения в подобных случаях становятся некие умопостигаемые и единые субстанции.

Так, посредством смыслового ряда «тропинка – моя дорога – путь» эвенкийский поэт А. Немтушкин («...Может, ты – моя дорога, / Самый верный в жизни путь» [11, с. 12]) осмысливает свое настоящее и прошлое, выстраивая, следовательно, хронологические константы своего национального концепта «путь», семантика которого разительно отличается от семантики его балкарской параллели. Интересно, что образ тропы введен А. Немтушкиным и в стихотворении «Улетели чирки и казарки», и здесь он символизирует уход поэта от юности; картина улетающих птиц выступает в качестве составляющей хроноархетипа «жизнь, уходящее время». Для горских поэтов, привыкших оперировать незыблемыми и константными объектами, столь неопределенная «материя», как время, естественно, не могла ассоциироваться с объектами ландшафтного ряда, и здесь мы наблюдаем некое схождение с представлениями

эвенка – птицы могут восприниматься горцем в качестве временного образа (ср. у К. Кулиева: «Улетающие птицы» – средоточие образов-символов: уходящая молодость, неотвратимо уходящее время). «Старость и молодость, жизнь и смерть – размышлениями о подобных проблемах пронизана мировая лирика. Но каждый поэт обновляет их, осмысливая по-своему, в свете национальных и общечеловеческих традиций» [12, с. 279].

Компактность объектного ряда карачаевских и балкарских поэтов, линейная близость всех его составляющих в реальной жизни обусловили чрезвычайную демократичность эстетического ценза в процессе формирования области художественно приемлемого и используемого в текстах. Бытовые предметы, детали повседневной жизни входят в сферу осознаваемого прекрасного на равных правах с отвлеченной символикой и устойчивыми, почерпнутыми из опыта других культурных областей условно-конвенциональными формулами.

В ряде стихотворений К. Кулиева в мельчайших деталях – родина, родной край: «...и «грустные» горные дороги, деревья, задумчивые, как горянки, и навьюченные ослики, и горные орлы, перелетающие через снежные перевалы, и волчьи следы на холмах, покрытых снегом, и шум чинар, и чувяки, которые он в детстве надевал, и книга, которую впервые открыл, и руки матери, ласкавшие его... Все это было далеко во времени и пространстве, но поэт жил и дышал им. Под его пером все это превращалось в нечто значительное, приобретало зримую форму, создавая неповторимый облик Отчизны и отчего дома» [Там же. С. 242]. В данном случае мы можем говорить о символической составляющей мирозерцания поэта; вышеприведенные образы – это этнические концепты кулиевской художественно-ассоциативной поэтической системы, и их совокупность являет нам специфическую конкретику художественного мышления горцев. Для инокультуры они же (данные образы) – отвлеченные условности. Представитель другой этнокультуры оперирует совершенно иными культурными мимами и жизненными паттернами: поля, осенние леса, колосющаяся рожь – в русском эстетическом пространстве, бег оленей, снежная тундра и пороги на

сибирских реках – в случае, например, обращения к художественным воззрениям сибирских и северных народов. Лирический герой текстов любого происхождения органичен в естественной для него объектной среде – будь это тайга, горы или степь. Это обязательное условие его внутренней гармонии.

Соответственно, глоссариальная реализация лирического героя в обязательном порядке осуществляется не только на уровне прямой номинации этноокрашенных объектов, но и в тех комплексах смыслов – вертикальных и горизонтальных, которые образуют полный семантический ореол слова, знака (эмблемы) или символа в данной культурной среде. Иначе говоря, воспринимая перечисленные форманты как маркеры национальной принадлежности текста, мы должны признать, что их аутентичность обеспечивается не только и не столько языковыми параметрами, но в основном «интегрированностью в устойчивые семантические структуры – прежде всего в архетипику национальной психологии и национального мировосприятия» [14, с. 113]. Нет сомнения, что ощущение ярко выраженной этнической поэтической речи, сохраняющееся в переводах на иные языки, обусловлено именно этим обстоятельством.

Из вышеизложенного становится очевидным, что семиосфера оформляется при четкой адресности метакодовых концептов. В случае, если мы имеем дело с отсутствием эквивалента в другой языковой картине мира, наличие семиотической составляющей, т.е. знака, не вызывает сомнений. «...Для иностранца, владеющего русским языком, словосочетания «влезть на печь», «спать на печи», «вынуть ухватом горшок из печи» будут казаться гротескными или бессмысленными, если он не представляет себе предметную область «русская крестьянская изба»» [16, с. 97]. Попадание любого текста в иноязычную или инокультурную среду выявляет ее языковые и семантические лакуны. Примерно тот же «эффект» получаем при знакомстве с фразеологическим [4; 15] и паремическим [6; 7] корпусами национально-этнической традиции.

Неизбежная утеря определенных жизненных практик по мере развития общества приводит к таким же неизбежным изменениям

информационной среды, формирующей образное мышление. Семантика образа напрямую связана с актуальным познанием окружающего. Изъятие из повседневной жизни народа тех или иных приемов адаптивного взаимодействия с окружающим закономерно сопровождается изъятием соответствующих объемов информации из образа. Содержание его сужается и в конце концов приобретает вид моносмыслового обозначения – знака, или в иных терминологических координатах – «эмблемы».

Логическая цепочка семиотических наращений и потерь, собственно, и приводит в итоге к «оформлению» презентативной этнокультурной модели, вбирающей в себя все парадигмальные и институциональные признаки этико-эстетических представлений этноса и факторы этнической идентификации.

Таким образом, можно сделать вывод о стадийности формирования этноэстетической среды карачаевцев и балкарцев, необходимости взаимодействия с другими системами (в плоскости *общее – особенное*), соотношении процессов культурного развития, обеспечивающих адекватное представление о национальной идентичности и способах ее определения. В результате проведенного анализа концептуальных учений и текстового материала:

- исследованы процессы эволюционирования национальных форм символизации, позволяющих сформировать представление об особенностях национально-этнического сознания;
- отмечена необходимость концептуального рассмотрения семиотической составляющей в плоскости *архетип–символ–знак*;
- выявлены концепты и императивы (особенности их отражения и преломления в этносознании карачаевцев и балкарцев) и их знаковая природа.

Список литературы

1. Атабиева А.Д. Характер употребления пространственно-временных символов в национальной прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–1 (61). С. 18–20.

2. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Интертекстуальность как облигаторный признак карачаево-балкарского нартского эпоса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). С. 68–70.
3. Базиева Г.Д. Этнические традиции и современные инновации в художественных текстах. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 167 с.
4. Гузеев Ж.М., Улаков М.З. Фразеология современных тюркских языков и проблемы ее словарной разработки // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл: сб. статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. Сер. «Studia Philologica». Российская академия наук, Институт языкознания. М., 2010. С. 179–187.
5. Джанхотова З.Х. Система архетипических образов в балкарской поэзии 30–50-х гг. XX века (на материале произведений К. Кулиева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2010. 23 с.
6. Жекеева Е.З., Габунниа З.М., Улаков М.З. К проблеме оценочного характера пословичной картины мира // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2011. № 2. С. 140–147.
7. Кетенчиев М.П. Карачаево-балкарские компаративные паремические высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 2 (18). С. 132–136.
8. Кулиев К. Собрание сочинений в трёх томах (Жазгъанларыны юч томлу жыйымдыгы). На балк. яз. Нальчик: Эльбрус, 1981. Т. 1. 600 с.
9. Кучукова З.А. Онтологический метод как ядро этнопоэтики. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2005. 312 с.
10. Лайпанов Б. Одинокое дерево на Родине (Джуртда Джангыз Терек): стихи (на карач. яз.). М.: Молодая гвардия, 1992. 256 с.
11. Немтушкин А. Костры моих предков. Стихи. Красноярск, 1980. С. 12 [Электронный ресурс] // Литературная учеба. 2002. № 1. URL: [http:// www.imli.ru/structure/theory/projects.php](http://www.imli.ru/structure/theory/projects.php) (дата обращения: 12.05.2012).
12. Толгуров З.Х. Кайсын Кулиев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. С. 228–281.

13. Узденова Ф.Т. Семиотический контекст и национальная идентичность: к методологии вопроса // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 294–300.
14. Узденова Ф.Т. Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. Нальчик: Принт Центр, 2016. 212 с.
15. Хуболов С.М. Семантические разряды компаративных фразеологизмов в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 1(63). С. 290–294.
16. Шафиева М.А. Взаимодействие языка и культуры в семиотическом аспекте // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 63. С. 94–99.

References

1. Atabiyeva A.D. Harakter upotreblenija prostranstvenno-vremennyh simbolov v nacional'noj proze [The Specifics of the Use of Spati-temporal Symbols in the National Prose]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no 7 (2016): 18–20.
2. Akhmatova M.A., Ketenchiyev M.B. Intertekstual'nost' kak obligatornyj priznak karachaevo-balkarskogo nartsckogo jeposa [Intertekstuality as an Obligatory Feature of the Karachay-Balkarian Nart Epic]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 2 (2013): 68–70.
3. Bazyieva G.D. *Jetnicheskie tradicii i sovremennye innovacii v hudozhestvennyh tekstah* [Ethnic Traditions and Modern Innovations in Literary Texts]. Nalchik: Izdatel'skij otdel IGI KBNTs RAS, 2017. 167 p.
4. Guzeev Zh.M., Ulakov M.Z. Frazheologija sovremennyh tjurkskih jazykov i problemy ee slovarnoj razrabotki [Phraseology of Modern Turkic Languages and the Problem of its Development in Dictionaries]. *V prostranstve jazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl* [In the space of language and culture: sound, sign, meaning]: sb. statej v chest' 70-letija V.A. Vinogradova. Ser. «Studia Philologica». Rossijskaja akademija nauk, Institut jazykoznanija. M., 2010: 179–187.
5. Dzhankhotova Z.H. *Sistema arhetipicheskikh obrazov v balkarskoj poezii 30–50-h gg. XX veka (na materiale proizvedenij K. Kulieva)* [The

- System of Archetypic Images in the Balkar Poetry of the 30-50s of the 20th century (on the material of works by K. Kuliyeu)]. Nalchik, 2010. 23 p.
6. Zhekeeva E.Z., Gabunia Z.M., Ulakov M.Z. K probleme ocenochno-go haraktera poslovichnoj kartiny mira [On the Issue of the Estimation Character of the Proverbial Picture of the World]. *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*, no 2 (2011): 140-147.
  7. Ketenchiyev M.P. Karachaevo-balkarskie komparativnye paremicheskie vyskazyvaniya [The Karachaevo-Balkar Comparative Proemiac Utterances]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, no 2 (2015): 132-136.
  8. Kuliyeu K. *Sobranie sochinenij v trjoh tomah* [Collected Works in Three Volumes]. Nalchik: Elbrus, 1981. V. 1. 600 p.
  9. Kuchukova Z.A. *Ontologicheskij metod kak jadro jetnopojetiki* [The Ontologic Method as the Core of the Ethnopoetics]. Nalchik: Izd-vo M. i V. Kotljarovy, 2005. 312 p.
  10. Laypanov B. *Odinokoe derevo na Rodine* [A Lonely Tree of the Homeland]. Moscow: Molodaja gvardija, 1992. 256 p.
  11. Nemtushkin A. *Kostry moih predkov* [Fires of my Ancestors]. Stikhi. Krasnoyarsk, 1980. P. 12. *Literaturnaja ucheba*, no 1 (2002). <http://www.imli.ru/structure/theory/projects.php> (date of access: 5.12.2012).
  12. Tolgurov Z.H. Kaysyn Kuliyeu. *Ocherki istorii balkarskoj literatury. Nal'chik: Respublikanskij poligrafkombinat im. Revoljucii 1905 g.* [Essays on the history of Balkarian literature. Nalchik: Republican Polygraph Complex Revolution of 1905], 2010: 228–281.
  13. Uzdenova F.T. Semioticheskij kontekst i nacional'naja identichnost': k metodologii voprosa [Semiotics Context and National Identity: Concerning the Methodology of the Issue]. *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*, no 3 (2015): 294–300.
  14. Uzdenova F.T. *Hudozhestvennoe prostranstvo karachaevo-balkarskoj poezii: jetnokul'turnyj kontekst* [The Artistic Space of the Karachay-Balkarian poetry: the Ethnocultural Context]. Nalchik: Print Centr, 2016. 212 p.

15. Hubolov S.M. Semanticheskie razrjady komparativnyh frazeologizmov v karachaevo-balkarskom jazyke [Semantic Categories the Comparative Phraseological Units in the Karachay-Balkar language]. *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*, no 1(2015): 290–294.
16. Shafiyeva M.A. Vzaimodejstvie jazyka i kul'tury v semioticheskom aspekte [Interaction of Language and Culture in the Semiotic Aspect]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no 63 (2008): 94–99.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Узденова Фатима Таулановна, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы, кандидат филологических наук

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН) ул. Балкарова, 2, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, 360002, Российская Федерация
uzdenova_kbigi@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Uzdenova Fatima Taulanovna, Senior Staff Scientist of the Sector of Karachay-Balkar Literature, Ph. D. in Philology

*Institute for the humanities research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (IHR KBSC RAS)
2, Balkarova Str., Nalchik, Kabardino-Balkaria, 360002, Russian Federation*

uzdenova_kbigi@mail.ru

SPIN-code: 1956-8363

ORCID: 0000-0002-5378-9514

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-3-24-39

УДК 82.3

**А.К. ТОЛСТОЙ И Э.Т.А. ГОФМАН.
СТИЛИЗАЦИЯ РОМАНТИЧЕСКОЙ, ГОТИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ А.К. ТОЛСТОГО**

Королева В.В.

***Цель.** В представленной работе исследуются гофмановские черты в творчестве А.К. Толстого на материале рассказов «Упырь», «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет», отрывке «Амена» и пьесе «Дон Жуан». Целью работы является выявление гофмановской традиции (романтической и готической) в произведениях Толстого.*

***Метод исследования** – компаративный анализ. Основы сравнительного анализа произведений Гофмана с русскими писателями XIX века были заложены в работах А.Б. Ботниковой, Б. Удодова, А.А. Михалевой, И.А. Игнатова и др.*

***Результаты.** Были выявлены общие черты восприятия гофмановской романтической и готической традиций у Толстого. В пьесе «Дон Жуан» Толстой следует гофмановской трактовке образа Дон Жуана. В отрывке «Амена» поднимается проблема противостояния христианства и язычества и развивается сюжет вероотступничества, как у Гофмана в романе «Эликсиры дьявола». Толстой также использует гофмановские приемы (переплетение двух исторических эпох, двоемирие) и общие образы (пунша, сна и креста). В рассказе «Упырь» близость к Гофману прослеживается в проблематике (тема родового проклятия, двойничество, тема ожившего портрета), в сходстве некоторых образов (человек в домино, образ пунша) и художественном методе (игра с читателем, романтическая ирония и прием «одушевления неживого»). В рассказах «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет» гофмановская традиция проявляется в теме вмешательства потусто-*

ронных сил в жизнь людей, кровном вампиризме, теме «ожившего» портрета и образе креста.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены для исследования гофмановской традиции в русской литературе XIX и XX веков.

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман; А.К. Толстой; язычество; христианство; родовое проклятие; двойничество; «оживший» портрет; образ пуниша; романтическая ирония; «одушевление неживого».

A.K. TOLSTOY AND E.T.A. HOFFMANN. STYLIZATION OF ROMANTIC AND GOTHIC TRADITIONS IN A.K. TOLSTOY'S WORKS

Koroleva V.V.

Purpose. *In this paper, it is Hoffmann's features in works by A.K. Tolstoy, i.e. Ghoul, Family of a Ghoul, Meeting after Three Hundred Years, a passage of Amena and Don Juan that are studied. The aim of the work is to reveal Hoffmann's tradition (Gothic and romantic) in works by Tolstoy.*

*The main **research method** being used is the method of comparative analysis. The main ideas for the analysis of Hoffman's works in literature of Russia in the nineteenth century were described in the works of A.B. Botnicova, B. Udodov, A.A. Michaleva, I.A. Ignatov, etc.*

Results. *Common features of perception romantic and gothic tradition of Hoffman have been revealed in Tolstoy's works. Thus, in Don Juan, Tolstoy follows Hoffmann's tradition in creation of the image of Don Juan. In the passage of Amena Tolstoy brings up the issue of opposition of Christianity and paganism. He develops the plot of apostasy as in Hoffmann's novel The Devil's Elixirs. In Ghoul, Hoffmann's features can be seen in the range of problems (the theme of the ancestral curse, duality, revived portrait), in the similarity of certain images (a man in a Domino, the image of the punch). Tolstoy also uses Hoffmann's romantic irony and reception of "revival of the inanimate".*

*In the works *Family of a Ghoul, Meeting in Three Hundred Years* Hoffmann's tradition is manifested in the theme of otherworldly forces' interference in people's lives, vampirism, "revived" portrait and the image of the cross.*

Scope of application of the results. *The results of the study can be used for researching the Hoffmann's tradition in the Russian literature of the nineteenth and twentieth centuries.*

Keywords: *E.T.A. Hoffmann; A.K. Tolstoy; paganism; Christianity; family curse; duality; "animated" portrait; image of the punch; romantic irony; "revival of the inanimate".*

Проблема влияния Э.Т.А. Гофмана – великого немецкого писателя – на русскую литературу XIX века поднималась в критике неоднократно, поскольку в ту эпоху он был популярнее в России, чем в самой Германии, а его творчество благодаря своему неповторимому стилю, стало важным элементом русской культуры. В литературоведении гофмановские черты отмечаются у многих писателей XIX века: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А. Погорельского, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и других. Об этом писали в своих работах А.Б. Ботникова [1], Б. Удодов [13, с. 154–157], А.А. Михалева [10], И.А. Игнатов [6, с. 249–278] и др.

В творчестве Гофмана нашли последовательное воплощение ряд важнейших проблем: живописно-музыкальная гармония (синестезия искусств), механизации жизни и человека, двойничество и кукольность. Важными стилистическими приемами в произведениях Гофмана стали романическая ирония и романтический гротеск. Использование этой проблематики и стилистики, как одно целое, привело к формированию идейно-тематического комплекса, который делает стиль Гофмана узнаваемым в литературной традиции. Одним из этапов формирования этого комплекса стало творчество А.К. Толстого, который органично воспринял творчество немецкого романтика. Несмотря на существующие в литературоведении отдельные намеки на стилистическое и сюжетное сходство произведений Толстого и Гофмана, детально эта проблематика еще не была изучена. В связи

с этим целью работы является выявление гофмановской традиции (романтической и готической) в поэтике Толстого.

Вопрос знакомства Толстого с творчеством Гофмана не вызывает сомнений. Во-первых, Толстой посвящает свою пьесу «Дон Жуан» немецкому романтику, и в качестве эпитафии выбирает цитату из одноименного произведения Гофмана, во-вторых, на формирование взглядов Толстого оказал большое влияние А.А. Перовский (псевдоним А. Погорельского), который был большим поклонником Гофмана. Перовский активно занимался воспитанием племянника, посвятил ему одно из своих произведений – повесть «Черная курица, или Подземные жители» (1829). Возможно, А.А. Перовский был лично знаком с немецким романтиком, так как в период с 1813 по 1816 г. находился в Дрездене, где в этот период жил Гофман. Погорельский организовал для Алексея путешествие в Европу, чтобы приобщить воспитанника к литературе и культуре Германии.

Неповторимая традиция хорошо узнаваема в эстетике и произведениях Толстого и прослеживается в двух направлениях: в готических произведениях – рассказ «Упырь», «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет», отрывок «Амена» из романа «Стебеловский» и в создании романтического образа Дон Жуана в одноименной пьесе.

Как известно, Толстой посвятил свою драму «Дон Жуан» Гофману. Об этом он упоминает в письме Б.М. Меркевичу от 20 марта 1861 года: «Драма будет посвящена памяти Моцарта и Гофмана, который первым увидел в Дон Жуане искателя идеала, а не простого гуляку» [12, т. 4, с. 113]. В качестве эпитафии он использует слова из одноименной новеллы Гофмана: «Но ужас грехопадения в том, что у врага сохранилась власть подстергать человека и расставлять ему коварные ловушки даже в его стремлении к высшему, там, где человек выражает божественность своей природы. Это противоборство божественных и демонических сил рождает понятие земной жизни, точно так же, как одержанная победа – понятие жизни неземной» [12, т. 2, с. 8].

Толстой ценит Гофмана за то, что немецкий писатель первым стал воспринимать Дон Жуана не как отрицательного персонажа, прожига-

ющего свою жизнь в погоне за наслаждениями, а как романтического героя, который стремится к чему-то непостижимому и недостижимому. Этим идеалом для него становится любовь: «Пожалуй, ничто здесь, на земле, не возвышает так человека в самой его сокровенной сущности, как любовь. Да, любовь – та могучая таинственная сила, что потрясает и преображает глубочайшие основы бытия» [4, т. 1, с. 90]. По мнению Толстого, Гофман увидел в Дон Жуане титаническую личность, рожденную, чтобы стать «победителем и властелином»: «Дон Жуан – любимейшее детище природы, и она наделила его всем тем, что роднит человека с божественным началом, что возвышает его над посредственностью, над фабричными изделиями, которые пачками выпускаются из мастерской» [4, т. 1, с. 90]. Гофман отмечает не только его внешнюю красоту своего героя, но и духовную: «Мощное, прекрасное тело, образ, в котором светится искра божия и, как залог совершенного, зажигает упование в груди; душа, умеющая глубоко чувствовать, живой восприимчивый ум» [4, т. 1, с. 90].

Дон Жуан у Толстого создан в рамках гофмановской традиции. В погоне за любовью он стремится от одной женщины к другой, ожидая найти свой идеал, и, когда этого не происходит, он разочаровывается и становится циничным. Толстой пишет о своем герое: «Каждый понимает Дон Жуана на свой лад, что до меня, я смотрю на него также как Гофман: сперва дон Жуан верит, потом озлобляется и становится скептиком; обманываясь столько раз, он больше не верит даже в очевидность» [12, т. 2, с. 132]. Именно это разочарование, эту тоску донна Анна почувствовала в нем:

Ты не таков. Не хочешь ты казаться,
Нет ничего поддельного в тебе. [12, т. 2, с. 47].

Толстой считал, что трагизм Дон Жуана в том, что под влиянием скептицизма он пропускает свой идеал – донну Анну. Осознание же своей ошибки приходит, приходит слишком поздно.

Вслед за предшественниками Толстой заканчивает пьесу традиционно. Однако позже он меняет конец драмы и в варианте, напечатанном в «Русском вестнике» (1862), герой получает не расплату за грехи, а прощение. Его Дон Жуан не только познает истинную

любовь, но и меняется сам: утратив возлюбленную, он раскаивается и уходит в монастырь. Монахи, удивленные его благочестивостью, просят Бога простить его:

В это страшное мгновение
Ты услышь его, господь!
Дай ему успокоение! [12, т. 2, с. 658].

Следы гофмановской эстетики прослеживаются и в готических произведениях Толстого. На этот факт исследователи уже обращали внимание. По мнению Ямпольского, рассказы «“Семья вурдалака”», «Встреча через триста лет», «Упырь», отрывок «Амена» из неоконченного романа «Стебеловский» связаны с приемами “страшного”, или “готического”, романа, поражавшего воображение накоплением тайн и ужасов, и с фантастикой немецких романтиков, Гофмана, и с “Гусями” Мериме» [15, т. 1, с. 41]. С.А. Венгеров отмечает, что Толстой в рассказе «Упырь» использует «фантастику в стиле Гофмана и дяди – воспитателя Толстого, Перовского–Погорельского» [3, т. 1, с. 10]. Исследователь А.А. Карпов в комментариях к изданию «Упыря» утверждает тесную связь рассказа «с фантастической литературой предромантической и романтической эпохи» и, в частности, с “Эликсирами дьявола” (1816) Э.Т.А. Гофмана» [7, с. 664].

Несомненно, так называемая трилогия готических рассказов Толстого «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет», «Упырь» и отрывок «Амена» восходят к гофмановской традиции, имеют общую тематику и схожие стилистические черты. Отрывок «Амена» из неоконченного романа «Стебеловский» в первую очередь пересекается с романом Гофмана «Эликсиры дьявола», так как Толстой вслед за немецким романтиком поднимает проблему противостояния христианства и язычества. Два друга Амвросий и Виктор – христиане клянутся в вечной преданности единому Богу. Однако Амвросий попадает под влияние прекрасной девушки Амены, которая прячется в храме Венеры. Она имеет двойственный облик, за которым скрывается сама богиня Венера, коварная и эгоистичная: «Амвросий оглянулся и увидел Амену, но он догадался, что то была сама Венера» [12, т. 2, с. 144]. Он не может ей противостоять и совершает грех, отказавшись

от своего Бога и нарушив клятву, данную друзьям. Герой погружается с головой в удовольствия, пребывая «в каком-то чаду, в приятном опьянении, мешающем ему замечать, как проходило время. Дни он проводил в театрах, ночи в шумных оргиях с родными Амены» [12, т. 3, с. 156]. Образ героини у Толстого является двойственным. Он сочетает в себе внешнюю кротость и дьявольское естество: «Амена испустила пронзительный визг, черты ее лица чудовищным образом исказились, изо рта побежало синее пламя; она бросилась на Амвросия и укусила его в щеку» [12, т. 3, с. 158].

Сходный сюжет мы находим у Гофмана в романе «Эликсиры дьявола». Художник Франческо отступает от христианской традиции и, обратившись в язычество, вместо христианской святой Розалии рисует портрет Венеры. «Обольщенные язычеством и его культом лукавой сомнительной видимости, юноши во главе с Франческо составили тайную секту, кощунственно глумящуюся над христианством; они воскрешали эллинскую обрядность и устраивали вакханалии с наглыми блудницами» [4, т. 2, с. 225]. Затем богиня сама является к нему в образе белой дьяволицы и соблазняет его. Но за ее внешней красотой срывается иная сущность: «Вместо юного прекрасного лица чудовищно искаженная морщинистая образина уставилась на них выпученными глазами» [4, т. 2, с. 225].

Связующим элементом между миром реальным и миром языческих богов у Толстого становится образ вина-пунша, выпив которое Амвросий погружается в другой мир: «Амвросий приблизил амфору к губам, и, по мере того как он втягивал в себя душистую влагу, странное чувство разливалось по его жилам. Цепи перестали его тяготить; ему казалось, что темница наполняется золотистыми облаками и что перед ним мелькают нимфы, сатиры, центавры и наяды» [12, т. 3, с. 145].

В романе «Эликсиры дьявола» образ эликсира является ведущим и символизирует искушение героя дьяволом: «Хлебни-ка, ты, паралитик, моего чудодейственного бальзама; ты же собираешься малевать святую» [4, т. 2, с. 228]. Вино оказывает дурманящее воздействие: «диковинный дух разнесся по мастерской и <...> юношей немедленно сморила сонливость» [4, т. 2, с. 228]. Франческо,

издевав этого напитка, превращается из благочестивого художника в эгоиста и посягает на святое – католическую святую Розалию. Этот же эликсир порождает в душе Медардуса мысли о своей уникальности и подталкивает его к бегству из монастыря, а затем на преступления: «Пламень хлынул в мои жилы, упоив меня чувством неопишемого благополучия, – я отхлебнул еще, и восторг новой царственной жизни взвился во мне!» [4, т. 2, с. 37].

Важную смысловую роль в произведении Толстого играет образ сна. Он помогает Амвросию узреть «другой» мир: «он увидел себя в очаровательной стране, на берегу ручья <...> нимфы играли на мягкой траве с резвыми сатирами, в ручье плескались наяды» [12, т. 3, с. 145]. Но его сознание вступает борьбу с соблазняющими его ведениями: «Он не мог противостоять ее словам и уже дотронулся до креста, как ему показалось, что вдали он видит толпу народа <...> он узнал Виктора; несколько людей клали его на деревянный станок, и палач, с обнаженной грудью, готовился истязать его раскаленными клещами...» [12, т. 3, с. 145]. Именно во сне происходит у Амвросия основная внутренняя борьба с дьявольскими силами, в реальности же он пассивен. То же самое у Гофмана: Медардус в своих снах осознает больше, чем в реальности. Особенно ярко это проявляется в финале романа, когда сон героя олицетворяет собой очищение всего рода от греха.

В отрывке «Амена» Толстой использует еще один гофмановский прием – переплетение двух исторических эпох: современности и времен императора Массимилиана в Древнем Риме. Монах, повествующий о событиях далекого прошлого, намекает на то, что он был одним из участников рассказанной им истории. В качестве доказательства он показывает глубокий шрам на щеке, куда его укусила Венера. Кроме того, слушатель монаха в ходе повествования не раз восклицает: «Ты говоришь об ней так, как будто бы сам ее видел» [12, т. 3, с. 146]. И тем самым подчеркивает вневременную связь прошлого и настоящего.

Этот прием использовал и Гофман. В цикле рассказов «Серапионовы братья» немецкий романтик создает образ анахорета Серапиона, который совмещает в себе прошлое и настоящее. Он считает

себя отшельником Серапионом, который жил при императоре Деции и принял мученическую смерть в Александрии.

Сходство с Гофманом еще в большей степени прослеживается в рассказе Толстого «Упырь», который перекликается с рядом новелл Гофмана: «Вампиризм», «Эпизод из жизни трех друзей», «Приключения в Новогоднюю ночь» и романом «Эликсиры дьявола». Гофмановские черты в рассказе Толстого проявляются в использовании романтического двоемирия, двойничества и теме родового проклятия. Сходными также являются и некоторые образы: inferнальный персонаж – черт, образ пунша (напитка), образ портрета, а также сюжетные переключки: мотив брошенной невесты. Неповторимый стиль Гофмана прослеживается у Толстого и в романтической иронии.

Герои Гофмана живут в реальном мире, но пересекаются с мифологическим, сказочным или потусторонним мирами, как в новелле «Повелитель блох». Или наоборот, inferнальные герои вмешиваются в жизнь обычных людей, нарушая ее естественное течение, как в новелле «Вампиризм». В рассказе «Упырь» действие происходит в мире реальном, но намеками утверждается существование мира inferнального – нечистой силы, упырей. Связь миров подтверждается дощечкой с каббалистическими знаками, которую черт вручил Пьетро в знак заключенной сделки. Символическим связующим звеном между мирами становится образ дома Бригадирши, который является «нечистым местом». Этот дом перекликается с виллой Пьетро в Италии, расположенной на месте языческого храма, где обитали ламии, пьющие человеческую кровь.

В произведениях Гофмана мы не раз встречаем подобный образ-хронотоп, в котором соединяются эпохи и который является символом зла. Часто этот пограничный образ предстает в виде подвала, подземелья, как, в доме Трабакио в новелле Гофмана «Игнат Деннер»: «А вот дверь подземелья, которое, судя по выходящим из каменных сводов патрубкам, служило лабораторией, не поддавалась ни отмычкам, ни взлому» [4, т. 2, с. 358].

Переход из мира реального в мир мифологический в рассказе «Упырь» Толстого осуществляется с помощью пунша, выпив который,

друзья видят разные события: Рыбаренко является Владимир, который уговаривает обнять его. Владимиру кажется, что он убивает Антонио. Антонио же отправляется в Грецию на суд трех богинь. Тоже самое мы наблюдаем у Гофмана. В новелле «Приключения в Новогоднюю ночь» Юлия дает Эразму дьявольский напиток, который оказывает дурманящее действие: «Кубок был выпит до дна, и в тот же миг я неведомым образом перенесся в маленькую комнатку» [4, т. 2, с. 267].

Гофман в своих произведениях часто переплетал нескольких сюжетных линий, что порождало многочисленных двойников и приводило к запутыванию читателя. Например, в романе «Эликсиры дьявола» Гофман настолько раздваивает персонажей, что сами герои порой перестают понимать, кто они есть на самом деле. Медардус переодевается в Викторина, Викторин – в монаха Медардуса, появляется еще один двойник, похожий на них обоих. Медардус же выдает себя за Леонарда Крчинского и т.д.

Толстой вслед за Гофманом, соединяет несколько сюжетных линий и поднимает тему родового проклятия, связанную с событиями, произошедшими с тремя поколениями семьи Островичевых: Марфа – Амвросий, Пьетро – Прасковья Андреевна, Даша и Руневский. Согласно легенде, на всех представителях рода лежит проклятие за преступление Марфы, поэтому «многие из них уже в России умерли насильственной смертью, другие сошли с ума, а, наконец, тетушка бригадирши, <...> будучи невестой ломбардского дворянина Пьетро д'Урджина» [12, т. 3, с. 60] умирает с горя вскоре после того, как ее жених исчезает.

В романе Гофмана «Эликсиры дьявола» ведущей темой является искупление родового греха. Главному герою Медардусу предначертано искупить эти грехи рода, которые начались с его предка художника Франческо, для этого он должен пройти путь от непорочности к греху, а затем к святости. Тема родового греха у Гофмана, несмотря на запутанность сюжета, имеет четкую концепцию и в конце романа находит логическое завершение. У Толстого же тема родового проклятия не имеет однозначного решения, так как к легенде рода Островичевых примешивается история Пьетро, продавшего душу дьяволу.

В повести «Упырь» Толстого связующим звеном между двумя поколениями является портрет Прасковьи Андреевны, который отличается предельной реалистичностью и является двойником Даши: «Руневского поразил женский портрет <...> то была девушка лет семнадцати, <...> если бы не старинное одеяние, он бы непременно принял этот портрет за Дашин. Тут были все ее черты, ее взгляд, ее выражение» [12, т. 3, с. 10]. Тема портрета широко разрабатывалась и Гофманом. В романе «Эликсиры дьявола» портрет, на котором запечатлена Святая Розалия – Венера – является ключевым в развитии сюжета. Именно с него начинается грехопадение рода Франческо. Женский образ, изображенный на нем, имеет очевидное сходство с потомками рода Франческо, поэтому Аврелия является живым воплощением этого портрета.

С портретом у Толстого связан мотив брошенной невесты. Тетушка Сугробиной должна была выйти за богатого иностранца, но «за день перед свадьбою жених исчез, а бедная невеста занемогла от горести и вскоре умерла (по слухам – отравилась)» [12, т. 3, с. 26]. Руневский, ночуя в комнатах Прасковьи Андреевны, видит ее привидение: «На ней [Даше] было совершенно такое платье, как на портрете Прасковьи Андреевны; розовый букет был приколот к ее груди, и в руке она держала старинное опахало» [12, т. 3, с. 23]. Возможно, Толстой заимствует эту историю из «Эпизода из жизни трех друзей» Гофмана, где речь идет о тетке одного из героев Александра, которая была помолвлена, но в день свадьбы так и не дождалась жениха. После ее смерти тетюшки Александр видит ее привидение: «В тот же миг от стены отделилась и заковыляла высокая белая фигура». Эта сюжетная линия у обоих авторов заканчивается одинаково – через женитьбу портрета.

Стилистическое сходство между Гофманом и Толстым проявляется и в использовании гофмановской иронии, которая трагическое превращает в комическое. Например, в одном из эпизодов Пьетро д'Урджина спорит с чертом: «Оба путешественника спорили между собой: человеку в халате не хотелось идти далее, а человек в домино его торопил, говоря, что им еще много дороги осталось до кратера и что на другой день праздник св. Антония» [12, т. 3, с. 62]. Гофман

тоже постоянно играет с читателем, сначала он нагнетает мистику, а потом разбавляет ее иронией, так, что становится непонятно, что правда, а что вымысел. Например, Марцелл (один из друзей) в «Эпизоде из жизни трех друзей», ночью видит привидение: «длинная, худая фигура со смертельно бледным, странно искаженным лицом <...> Белая рубашка закрывает плечи, а грудь совершенно открыта и кажется окровавленной» [12, т. 3, с. 112]. Но этим призраком оказывается безумный сосед и мистика сразу же исчезает.

Одной из форм иронии в творчестве Гофмана является использование приема одушевления предметов, как, например, в новелле «Приключения в Новогоднюю ночь»: «Тут все сахарные фигурки в витрине ожили, стали комично шевелить ручками и ножками, а марципановый советник юстиции засеменял мне навстречу» [4, т. 2, с. 276]. А. Толстой в рассказе «Упырь» вслед за Гофманом использует бытовую фантастику: «Меня окружила толпа фарфоровых кукол, фаянсовых мандаринов и глиняных китаек, которые с криком: Да здравствует наш император, великий Антонио-Фу-Цинг-Танг! – бросились меня щекотать» [12, т. 3, с. 56]. Однако, налицо не только сходство, но и различие: Толстой с помощью этого приема описывает только мифологический мир, а в мире реальном – все упорядоченно и реалистично.

Общие черты можно проследить и на уровне персонажей: образ человека в домино в повести «Упырь» напоминает Дапертутто из новеллы «Приключения в Новогоднюю ночь» Гофмана. Дапертутто (*dapertutto*) в переводе с итальянского обозначает – везде, повсюду, он олицетворяет собой дьявольское начало и всегда появляется неожиданно. У Толстого сходный образ – это высокий человек в черном домино и в маске, который присутствует и в итальянских эпизодах, и в русских, и является одним из главных связующих звеньев между ними: «Внезапно обои раздвинулись, и из потаенной двери вошел в комнату высокий человек в черном домино и в маске, при виде коего Руневский тотчас догадался, что это тот самый, которого видел Антонио в вилле дон Пьетро д'Урджина» [12, т. 3, с. 56].

Гофмановская традиция в меньшей степени проявилась и в других готических произведениях Толстого. Рассказы «Семья вурда-

лака», «Встреча через триста лет» посвящены одной теме – вмешательству потусторонних сил в жизнь людей. Однако воплощение этой темы разное. В «Семье вурдалака» отражается тема кровного вампиризма, как в новелле Гофмана «Вампиризм», где баронесса-вампириша пьет кровь своей дочери Аврелии, а в рассказе «Встреча через триста лет» продолжается тема «ожившего» портрета.

Важным символическим образом в готических произведениях Толстого является образ креста, который становится оружием в борьбе с нечистой силой. Так, маркиз д'Юрфе благодаря кресту видит подлинную сущность Зденки: «крестик, который я вам показывал <...> острием вонзился мне в грудь. Острая боль, которую я ощутил в этот миг, явилась для меня как бы лучом света, пронизавшего все вокруг. Я посмотрел на Зденку, и мне стало ясно, что <...> глаза ее не видят и что ее улыбка – лишь судорога агонии на лице трупа» [12, т. 3, с. 91]. Крест помогает избавиться от призраков герцогине в рассказе «Встреча через триста лет».

Образ креста является центральным в романе Гофмана «Эликсиры дьявола», и имеет несколько символических значений. Во-первых, крест – это символ веры. Во-вторых, крест – родовый грех, который все представители рода Франческо вынуждены нести. Медардус имеет на шее кровавый рубец в виде креста – символ родового греха и своего избранничества. Крест мерещится ему в моменты переосмысления своего жизненного пути («Дальний крест притягивал меня» [4, т. 2, с. 89]). И, наконец, крест – сам путь героя к обретению истинной веры.

Таким образом, в данной работе были выявлены общие черты восприятия гофмановской романтической и готической традиций у Толстого. В пьесе «Дон Жуан» Толстой следует гофмановской трактовке образа Дон Жуана, однако русский писатель предлагает новый вариант финала традиционного сюжета. В отрывке «Амена» поднимается проблема противостояния христианства и язычества и развивается сюжет вероотступничества, как у Гофмана в романе «Эликсиры дьявола». Толстой также использует гофмановские приемы (переплетение двух исторических эпох, двоемирие) и общие

образы (пунша, сна и креста). В рассказе «Упырь» близость к Гофману прослеживается в проблематике (тема родового проклятия, двойничество, тема ожившего портрета), в сходстве некоторых образов (человек в домино, образ пунша). Частью толстовского художественного метода стали также игра с читателем, романтическая ирония и прием «одушевления неживого». В рассказах «Семья вурдалака», «Встреча через триста лет» гофмановская традиция проявляется в теме вмешательства потусторонних сил в жизнь людей, кровном вампиризме, теме «ожившего» портрета и образе креста.

Список литературы

1. Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977. 206 с.
2. Васильев С.Ф. Проза А.К. Толстого: направление эволюции и контекст. Ижевск: УдГУ, 1989. 96 с.
3. Венгеров С.А. А. Толстой (литературный портрет). // Толстой А.К. Полн. Собр. в 4 томах. Т.1. СПб.: Издательство А. Ф. Маркса, 1907. С. 3–51.
4. Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений в 6 т. М.: Художественная литература, 1991. Т.1, 4(1), 4(2).
5. Дюнькин Н.И., Новиков А.И. А.К. Толстой. Биография и разбор его главных произведений. СПб.: Издательство книжных магазинов Ив. Загряжского, 1909. 64 с.
6. Игнатов С.С. Погорельский и Гофман. Русский фил. Вестник, 1914. Т. 72. С. 249–278.
7. Карпов А.А. Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 667 с.
8. Левенстим А.А. К. Толстой, его жизнь и произведения // Вестник Европы. 1906. №10. С. 487–520.
9. Левит Т. Гофман в русской литературе // Гофман Э.Т.А. Собр. соч. В 6 т. Т. 6. М.: Недра, 1930. С. 333–371.
10. Михалева А.А. Герой-двойник и структура произведения: Э.Т. Гофман и Ф.М. Достоевский: диссертация кандидата филологических наук: Москва, 2006. 248 с.

11. Морозов В.О. Э.Т.А. Гофман в России // Гофман Э.Т.А. Избр. соч. / Под ред. Е.М. Браудо. М.-Пг.: Гос. издат., 1922. С. 39–50.
12. Толстой А.К. Собрание сочинений в 4 томах, М.: Художественная литература, 1963. Т.2. С. 7–121, Т. 3. С. 7–94, 140–161.
13. Удодов Б. Судьба Гофмана в России // Подъем. М.: 1978. № 4. С. 154–157.
14. Штейн А.С. Пушкин и Гофман. Сравнительное историко-литературное исследование. Дерпт (Tartu): К. Матиссен, 1927. 328 с.
15. Ямпольский И. А.К. Толстой / Вступительная статья к собранию сочинений А.К. Толстого, в 4-х томах. М.: Художественная литература, Т.1. 1963. С. 5–54.

References

1. Botnikova A.B. *E.T.A. Gofman i russkaya literatura* [E.T.A. Hoffmann and Russian Literature]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1977. 206 p.
2. Vasiliev S.F. *Proza A.K. Tolstogo: napravlenie jevoljucii i kontekst* [The Prose by A. Tolstoy: the Direction of Evolution and the Context]. Izhevsk: UdGU, 1989. 96 p.
3. Vengerov S.A. *A. Tolstoy (literaturnyy portret)* [A. Tolstoy (the Literary Portrait)]. Tolstoj A.K. Poln. Sobr. v 4 tomah. Vol. 1. SPb.: Izdatel'stvo A.F. Marksa, 1907: 3–51.
4. Gofman E.T.A. *Sobranie sochinenij v 6 t.* [Collected Writings in 5 Volumes]. М.: Khudozhestvennaya literatura, 1991. Vol.1, 2, 4(1), 4(2).
5. Dyun'kin N.I., Novikov A.I. *A.K. Tolstoy Biografija i razbor ego glavnyh proizvedenij* [A.K. Tolstoy. Biography and Analysis of his Main Works]. SPb.: Izdatel'stvo knizhnyh magazinov Iv. Zagrzjzhskogo, 1909. 64 p.
6. Ignatov S.S. *Pogorel'skiy i Gofman* [Pogorelsky and Hoffmann]. Russian philological Vestnik, 1914. T. 72: 249–278.
7. Karpov A.A. *Russkaya fantasticheskaya proza epokhi romantizma (1820-1840)* [Russian Fantastic Prose of the Romanticism Era (1820-1840)]. L.: Izd-vo Lenigradskogo universiteta, 1990. 667 p.
8. Levenstim A.K. *Tolstoj, ego zhizn' i proizvedenija* [A.K. Tolstoy, his Life and Works]. Vestnik Evropy. 1906. No. 10: 487–520.

9. Levit T. *Gofman v russkoy literature* [Hoffmann in Russian Literature] Gofman Je.T.A. Sobr. soch. v 6 t. T. 6. Moscow: Nedra, 1930: 33–371.
10. Mikhaleva A.A. *Geroy-dvoynik i struktura proizvedeniya: E.T. Gofman i F.M. Dostoevskiy* [Doubleganger Character and the Structure of the Work: E.T.A Hoffmann and F.M. Dostoyevsky]. Diss. ... kand. fil. nauk. Moscow, 2006. 248 p.
11. Morozov V.O. *E.T.A. Gofman v Rossii* [E.T.A. Hoffmann in Russia]. Gofman Je.T.A. Izbr. soch M.-Pg.: Gos. izdat., 1922: 39–50.
12. Tolstoy A.K. *Sobranie sochinenij v 4 tomah* [Collected Writings in 4 Volumes. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1963. Vol. 2: 7–121, Vol. 3: 7–94, 140–161.
13. Udodov B. *Sud'ba Gofmana v Rossii*. [Hoffmann's Destiny in Russia]. Podjem. Moscow: 1978. No 4: 154–157.
14. Stein S. *A.S. Pushkin i Gofman. Sravnitel'noe istoriko-literaturnoe issledovanie* [A.S. Pushkin and Hoffmann. Comparative Historical and Literary Study]. Derpt (Tartu): K. Matissen, 1927. 328 p.
15. Yampol'skiy I. *A.K. Tolstoy* [A.K. Tolstoy]. Vstupitel'naja stat'ja k sobraniyu sochinenij A.K. Tolstogo, v 4-h tomah, Vol. 1. 1963: 3–54.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Королева Вера Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью *Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (ВлГУ)* ул. Горького, 87, г. Владимир, 600000, Российская Федерация queenvera@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Koroleva Vera Vladimirovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Vladimir state University Stoletov's Brothers
87, Gorky Str., Vladimir, 600000, Russian Federation
queenvera@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7608-9772

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-3-40-51

УДК 808.1

ТАМИЗДАТ. ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Федин А.А.

Автором предложены гипотезы понятия «тамиздат», которое возникло и применялось в России с конца 50-х годов XX века. Приводятся способы издания, распространения и чтения тамиздатовских произведений, которые были запрещены к изданию в СССР. Рассмотрены правовые аспекты, которые имели место в эпоху тоталитарного государства 60–80 гг. XX века, а также влияние на деятельность авторов и реципиентов по изданию, распространению и книгочтению изданий тамиздата.

Цель. *Статья посвящена актуальной в условиях современной общественно-политической жизни общества – теме цензурирования и издания текстов произведений запрещенной литературы писателей, а также передачи информации. Предметом анализа являются трактовки термина «тамиздат». Автор ставит целью определить понятие «тамиздата» и тамиздатовских изданий.*

Метод или методология проведения работы. *Основу исследования образуют книговедческие методы: историко-типологический и аналитико-тематический, а также системный подход.*

Результаты. *Результаты работы заключаются в том, что автор исследует репертуар и способы издания запрещенных произведений. Автор предлагает гипотезы и формулировки понятия «тамиздат», и выдвигает для обсуждения данное понятие, которое необходимо отделить от понятия «литература русского зарубежья».*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в сфере изучения истории литературоведения, отечественного и зарубежного издательского дела, его развития.*

Ключевые слова: *самиздат; тамиздат; книговедение; литература; нелегальное распространение; издательская деятельность.*

TAMIZDAT. PROBLEM OF INTERPRETATION

Fedin A.A.

The article presents the methods of publication, distribution and reading of “tamizdat” works, which were banned for publication in the USSR. The article describes the legal aspects that took place during the era of totalitarian state in the 60–80s the XX century, as well as the influence of legislation on the authors and recipients of “tamizdat” literature.

Being published outside of the totalitarian state, the works were spread in the USSR in the form of “tamizdat” books through copies, photographs, etc. A unique method of obtaining information was implemented, i.e. a “samizdat–tamizdat–samizdat” circuit.

In addition, this article contains definition examples of the term “tamizdat” proposed by witnesses of the period under study. The author proposes versions of the scientific definition of “tamizdat”, which appeared and was applied in Russia since the late 50s of the XX century, influencing the modern literary and publishing process.

Purpose. *The article is devoted to the issue of censorship and publication of prohibited literature, as being quite topical in the modern political and economic conditions. The subject of the analysis are the works of Soviet writers published abroad. The author aims to reveal and define the concept of “tamizdat” literature.*

Methods and methodology. *The basis of the research is formed by the following bibliological methods: historical-typological and analytical-thematic, as well as the systematic approach.*

Results. *The results of the work are that the author explores the repertoire and methods of prohibited works publishing. The author proposes hypotheses and formulations of the term “tamizdat” and proves that this concept should be distinguished from the concept of “literature of the Russian expatriate community”.*

The scope of the results. *The results of the research can be applied in the field of studying the history of literary studies, domestic and foreign publishing, its development.*

Keywords: *samizdat; tamizdat; bibliography; literature; illegal distribution; publishing activity.*

Рассматриваемая тема сферы культуры и книгоиздания является актуальной для современного общества, поскольку вопрос цензурирования и управления информацией в современном мире, особенно в настоящий момент для России, является одним из важнейших вопросов культурного обмена и коммуникаций социума, который постоянно поднимается в средствах массовой информации и научных кругах. Органы государственной власти, также поднимают вопрос о проблеме цензурирования и распространения информации в сети интернет с устойчивой систематичностью.

В истории русской культуры XX века нами рассматриваются такие уникальные явления издательской деятельности, как «самиздат» и «тамиздат». Необходимо отметить, что данные явления затрагивают издательскую деятельность как зарубежных, так и отечественных издательств.

Расцвет издательской деятельности начался в конце 50-х гг. XX века, массовая культура в СССР выдвинулась на новый уровень. Потребность в «альтернативной культуре» возникла преимущественно в творческих кругах. Появилась интеллигенция, взгляды которой были противоположны имеющимся официальным тенденциям русской культуры. Деятели русской культуры имели иные взгляды на воплощение творчества, хотели «говорить» так, чтобы их слышала и к ним прислушивалась советская общественность, а не только узкий круг соратников. Для этого художники, поэты, писатели использовали все возможные средства, которые они могли использовать в современных реалиях, зачастую нарушая законы советского государства и подвергая себя и своих близких людей опасности. Немалую роль в отношениях творческих людей и общественности играл феномен тамиздата.

Один из авторов, А.Т. Марченко рассказывал о своем решении писать и быть услышанным: «Я был одержим мыслью о том, что мир должен знать. Я не думал о том, что писать трудно и что этому

надо учиться. Я считал необходимым известить общество об имеющейся чудовищной жизни. Газеты, радио возмущались бесправием капиталистических стран, но принимали как обыденное то, что происходило с нашими гражданами, положение которых в некоторых случаях не являлось лучшим» [7, с. 112].

Интерес к нелегальной литературе в СССР объяснялся созданием вакуума информационного характера, пониманием общества западного мира как гражданского общества со свободой и разносторонним мировоззрением.

Большинство книг самиздата и тамиздата находилось под запретом в советском государстве и распространялось на его территории нелегально. Свободомыслие было противоестественно существующему строю, что объяснило ее нелегальное существование.

Термин «самиздат» получил более широкое распространение в обиходе советского общества, в современных научных исследованиях и прочно вошел в русскоязычные словари.

Тамиздат представлял собой способ публикации за рубежом произведений печати, отклонённых советской цензурой и попадавших к читателям в СССР как нелегально, так и полулегально.

Заметным социальным феноменом тамиздат стал после дела Синявского и Даниэля (процесса Синявского и Даниэля), которое стало первым громким политическим процессом начала брежневской эпохи, длящимся с осени 1965 г. по февраль 1966 г. Причиной процесса послужило обвинение писателей в написании и передаче для напечатания за границей произведений, «порочащих советский государственный и общественный строй». Ю.М. Даниэлю выдвинуто обвинение в написании повестей «Говорит Москва» и «Искушение», рассказов «Руки» и «Человек из МИНАПа», А.Д. Синявскому выдвинуто обвинение в написании повестей «Суд идет», и «Любимов», статей «Что такое социалистический реализм», пересылке за границу произведений Даниэля, Ремезова. Даниэль осуждён на 5 лет лагерей по предъявленной ему статье 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда». Синявский приговорён к 7 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии строго-

го режима по предъявленной ему статье 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда» 17 октября 1991 года в «Известиях» появилось сообщение о пересмотре дел Синявского и Даниэля за отсутствием в их действиях состава преступления [1].

Многие авторы «спасали» свои романы, уезжая за рубеж. Некоторых писателей и поэтов вытравливали из государства, лишали советского гражданства.

Ходившие в самиздате произведения попадали на Запад (в частности, через тех же иностранных корреспондентов), публикуясь там и попадая в СССР в виде тамиздатских книг, распространявшихся в виде копий. Осуществлялся кругооборот по линии самиздат – тамиздат. Подвидом такого кругооборота являлась запись на магнитофон и последующая распечатка поступившей в страну информации о событиях в СССР, содержащейся в программах западных радиостанций. Произведения советских писателей передавали за границу нелегально, и затем в печатном виде нелегально ввозили обратно в СССР.

Наиболее распространенные технологии изготовления – машинопись, реже фотография, в некоторых случаях множительная техника, иногда подпольные типографии.

Источником проникновения тамиздатовских произведений на территорию СССР становились иностранные журналисты, дипломаты, студенты, ученые-русисты.

В СССР за чтение, хранение, распространение запрещенной литературы можно было получить до семи лет лишения свободы (*ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г. «Антисоветская агитация и пропаганда», отменена федеральным законом от 13.06.96 N 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»*).

Распространители самиздата преследовались прокуратурой и КГБ. В самиздате распространялась Антология преследований, имеющая наименование «Хроника текущих событий». Преследование самиздата противоречило международным соглашениям, подписанным Советским Союзом в Хельсинки, организованы группы

содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Документы Хельсинкских групп, к которым относилась Московская Хельсинкская группа, выходили в «сам- и тамиздате». Участники Хельсинкских групп подвергались преследованиям, их выгоняли с работы, арестовывали и подвергали принудительному лечению. Употреблялся термин «карательная психиатрия» [4].

Одним из первых образцов советского самиздата был знаменитый доклад Н.С. Хрущёва «О культе личности Сталина», который в официальной советской прессе в полном объёме опубликован после начала перестройки. Н.С. Хрущёв, «спровоцировав» появление самиздата, начал гонения в СССР на самиздатовцев. В 1964 г. он был смещен и изолирован от внешнего мира. Пытаясь истребить самиздат, он вынужден был стать самиздатовцем: Хрущёв писал мемуары, и понимая, что в СССР они напечатаны не будут, готовил их к изданию на Западе [9].

По мнению Л.М. Алексеевой самиздат способствовал преодолению государственной монополии на распространение идей и информации [7, с. 200].

Репертуар самиздата и тамиздата различался, однако многое из самиздата попадало в тамиздат и наоборот. Запрещенная литература распространялась в наукоградах (новосибирском Академгородке, Дубне, Обнинске, Пушине, Черноголовке и др.).

А вот самым первым и громким прецедентом тамиздата, безусловно, можно назвать публикацию в Милане романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» в 1957 г. 23 октября 1958 г. Б.Л. Пастернаку была присуждена Нобелевская премия «за значительные достижения в современной лирической поэзии, продолжение традиций великого русского эпического романа». Власти СССР во главе с Н.С. Хрущёвым посчитали роман антисоветским. 2 ноября 1958 г. Телеграфным агентством Советского Союза (ТАСС) было заявлено о клевете в произведении Пастернака на советский общественный строй и народ. Книга была опубликована за рубежом, что было представлено властями как факт предательства и антисоветчины. Осуждение книги «трудящимися» представлялось как проявление

солидарности с властью. Пастернак был исключен из Союза писателей СССР (восстановлен посмертно в 1987). Московская организация Союза писателей СССР, вслед за Правлением Союза писателей, требовала высылки Пастернака из Советского Союза и лишения его советского гражданства [8].

В результате травли Б.Л. Пастернака, из-за публикаций за рубежом романа «Доктор Живаго», он преждевременно скончался в 1960 г.

Произведения, изданные в самиздате становились тамиздатом за границей, при условии, что произведения возвращались отечественным читателям в виде типографских изданий, такие как: «Лолита» В.В. Набокова (Парижское издательство «Олимпия Пресс», 1955 г.); воспоминания Н.Я. Мандельштам (издательства Нью-Йорка, 1970 г. и Парижа, 1972 г.); полное собрание сочинений Н.С. Гумилева, однотомник «Стихотворения» Н.А. Заболоцкого (Inter-Language Literary Associates в Вашингтоне, 1965 г.), книги А.И. Солженицына («Архипелаг ГУЛАГ» (издательство YMCA-Press, Париж, 1973 г.) и «В круге первом» – N.Y.: Издательство Harper&Row, 1968 г.), «Некрополь» В. Ходасевича (Брюссель, издательство «Петрополис», 1939 г.), книга воспоминаний о деятельности Компартии Азербайджана «Партийная мафия. Разворованная республика» И.Г. Земцова (Les Editeurs Reunis, Париж, 1976г.); Б.Ш. Окуджава, «Бедный Авросимов» о Пестеле (Чикаго, 1970г.; Париж, 1972 г.); В.Е. Максимов «Семь дней творения» (издательство Посев, Франкфурт-на-Майне, 1971 г.), Ю.М. Даниэль «Говорит Москва» 1962 г., «Искупление» 1964 г. (издательства США и Франции), «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова (Лондон, 1978 г., Париж, 1980 г.)

Печатавшиеся в тамиздате ученые представляли различные течения общественно-политической мысли: ленинизм, «еврокоммунизм», немарксистский социализм. Некоторые из них относились к представителям национально-почвеннического направления (например, математик И. Р. Шафаревич – соавтор А. И. Солженицына в сборнике «Из-под глыб» (1974), автор книги «Социализм как явление мировой истории» (1977)).

В Санкт-Петербурге с начала 1979 г. до конца 1982 г. выходил журнал «Сумма» (вышло 8 номеров, из которых два – сдвоенные), целью которого являлось издание для рецензирования и популяризации сам- и тамизатовской не подцензурной литературы, распротранявшейся в узких кругах интеллигенции, являвшийся реферативным журналом, содержащим краткий критический обзор той или иной книги или статьи по специальности.

Одной из центральных тем тамиздата, являлось отражение аспектов проблемы «наука и власть»: «двойного сознания» ученых, «теневые», негласно поощряемые государством, процессы в науке; оправдание социального конформизма; роль государства как посредника в международных контактах ученых. Данная литература формировала существующие в советском обществе представления о взаимоотношениях науки и власти [9].

На данный момент существует несколько версий определения термина «тамиздат» или «тамизатовской литературы». Работа О.В. Заславской «Самиздат и тамиздат как культурно-коммуникационный феномен позднего социализма в странах Восточной Европы (1960-1980 годы)» рассматривает тамиздат в рамках транснациональной коммуникации Восточного и Западного мира при формировании особого интеллектуального сообщества. О.В. Заславская определяет «тамиздат» как социокультурное явление, способствующее распространению новых идей, среди которых правозащитная тематика становится платформой для объединения представителей разных направлений неофициальной (альтернативной) культуры [2].

В 2012 г. в издательстве «Русский путь» вышло обобщающее тамиздат издание «ТамИздат. 100 избранных книг», где была рассмотрена проблема издательской деятельности «тамиздата». Тамиздатом обозначены издания советских писателей, выпущенных на Западе, издательство которых было запрещено в СССР. Издания «тамиздат» характеризовали диссидентское движение 60–70-х гг. XX века, отражали издательскую деятельность русских писателей и специалистов в эмиграции. Вопрос этот дискуссионный, требующий детализации и пристального изучения [4, с. 7].

Создатели вышеуказанного проекта объясняют явление «тамиздата», проводя аналогию в хронологии появления «госиздата» (1919), принимая за точку отсчета 1917 г. В бытовом плане термин «тамиздат» применялся в 1960–1980-е годы в отношении изданий советских писателей, печатающихся за рубежом. Госиздат – государственное издательство. Тамиздат – произведения, изданные за рубежом (т.е. «там»).

М.В. Сеславинский, являющийся составителем сборника «ТамИздат. 100 избранных книг», говорит о том, что тамиздат – это «вселенная» литературы русского зарубежья. И поскольку масштабы тамиздата огромны, то рассматривать тамиздат необходимо с эпохи «Герцена», с публикации «Полярной звезды», книг, издающихся в Лондоне во второй половине XIX века [6]. При работе над проектом «Тамиздат: 100 избранных книг» у авторов сталкивались с необходимостью определить степень значимости литературы, находящейся в изгнании, литературы русской эмиграции. Ответить на этот вопрос однозначно невозможно, т.к. для начала необходимо сформировать целостный образ и системность тамиздата.

Непосредственные участники диссидентского движения, такие как Н.Д. Солженицына и Ю.М. Кублановский, утверждают, что термин «тамиздат» возник в России, в 1950-х годах. Пользователи этого слова и счастливые обладатели книг, привезенных из-за границы, понимали под этим словом типографическое, полиграфическое воплощение самиздата [3, с. 102].

Определено, что термин «тамиздат» принимался читателями за рубежом только как «здесь-издат», и данный феномен определялся как литература, издаваемая изначально за рубежом, что в свою очередь являлось секретной информацией для советского читателя. Зарубежный читатель вне СССР не мог воспринимать «тамиздат» тамиздатом. Затем под тамиздатом стали понимать литературу, написанную и изданную на Западе советских писателей.

Надо отметить, что в настоящее время отсутствует четкое определение с исторической, бытовой, научной и филологической точек зрения термина «тамиздата», но у нас имеются гипотезы по данному изучаемому вопросу.

У нас имеются две гипотезы.

1. Тамиздат – это запрещённые тексты или произведения советских авторов, изданные полиграфическим способом за пределами СССР и нелегально распространявшиеся на его территории.
2. Тамиздат – не прошедшие цензуру рукописи, запрещенные книги и произведения советских писателей, изданные за рубежом посредством типографского исполнения и впоследствии нелегально распространявшиеся в СССР, отличающиеся от традиционного книгоиздания, книгораспространения и кничтения.

Термин «тамиздат» необходимо выделять в отдельную нишу в литературоведении и книгоиздании, это понятие определяет литературу русского зарубежья. Произведения, печатающиеся в тамиздате или самиздате, не подвергались цензуре, они не могли официально печататься и не могли открыто признаваться обществом. Это литература, не прошедшая цензуру изначально. Для признания данной литературы и её изданий, необходимо рассмотреть в историческом аспекте с системно-типологическим методом изучения данного явления. Постановка и раскрытие вопроса о термине «тамиздат», о выпускающих тамиздат издательствах может раскрыть аспекты практической деятельности редактора и автора посредством установления и выделения способов издания, распространения и чтения произведений тамиздата. Исследования предложенной нами темы поможет издателям в работе по составлению антологий по литературе русского зарубежья, запрещенных текстов советских писателей XX в.

Список литературы

1. Баевский В.С. История русской литературы XX века. М.: Языки славянской культуры, 2003. 323 с.
2. Заславская О.В. «Тамиздат» как совместный издательский проект Восток-Запад // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2012. № 5 (сентябрь-октябрь). С. 100–107.

3. Заславская О.В. Самиздат и тамиздат как культурно-коммуникационный феномен позднего социализма в странах восточной Европы (1960–1980 годы) // Дис. ... к.и.н. СПбГУ. СПб, 2014. 23 с.
4. Калистратова С.В. Заступница. Составитель: Е. Печуро. «Звенья», 2003 [электронный ресурс]. <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=5700&page=1>
5. Парадигма: Философско-культурологический альманах. Вып. 14 / Гл. ред. М.С. Уваров. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. 200 с.
6. ТамИздат: 100 избранных книг / Сост., вступ. ст. М.В. Сеславинского. М.: Русский путь, 2012. 520 с.
7. Соловьев Р.А. Самиздат как форма социального протеста в СССР 1950–1980-е гг. // Сборник статей к 60-летию со дня рождения доктора исторических наук Валерия Фёдоровича Блохина. Сер. «Историография и источниковедение отечественной истории». СПб. – Брянск, 2015. С. 211–219.
8. Финн П., Куве П. Дело Живаго. Кремль, ЦРУ и битва за запрещённую книгу. М.: Центрполиграф, 2015. 349 с.
9. Хорошевский А.Ю. 100 знаменитых символов советской эпохи. Харьков: ФОЛИО, 2006. С. 412–418.
10. Чикурова И.В., Чухланцев А.М. Инакомыслие в СССР // Наука и молодежь: проблемы, поиски, решения. Новокузнецк, 2014. С. 57–60.

References

1. Bayevsky V.S. *Istoriya russkoy literatury XX veka* [History of Russian Literature of XX Century]. М.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2003. 323 p.
2. Zaslavskaya O.V. «Tamizdat» kak sovместnyj izdatel'skij proekt vosto-k-zapad [“Tamizdat” as a Joint Publishing Project East-West]. *Ob-servatorija kul'tury: zhurnal-obozrenie*. 2012. № 5: 100–107.
3. Zaslavskaya O.V. *Samizdat i tamizdat kak kul'turno-kommunikacionnyj fenomen pozdnego socializma v stranah vostochnoj Evropy (1960–1980 gody)* [Samizdat and Tamizdat as a Cultural and Communication Phenomenon of Late Socialism in Eastern Europe (1960–1980)]. SPbGU. SPb, 2014. 23 p.
4. Kalistratova S.V. *Zastuptitsa* [Advocatrix]: Sost. E. Pechuro. Zvenya, 2003. <http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid=5700&page=1>

5. *Paradigma: Filosofsko-kul'turologicheskij al'manah* [Paradigm: the Philosophical and Cultural Almanac]. Vol. 14. Red. M.S. Uvarova. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2010. 200 p.
6. *TamIzdat: 100 izbrannyh knig* [Tamizdat: 100 Selected Books] / M.V. Seslavinsky. Moscow: Russkiy put', 2012. 520 p.
7. Solovyov R.A. Samizdat kak forma social'nogo protesta v SSSR 1950–1980-e gg. [Samizdat as a Form of Social Protest in the USSR 1950–1980s]. *Sbornik statej k 60-letiju so dnja rozhdenija doktora istoricheskikh nauk Valerija Fjodorovicha Blohina. Ser. „Istoriografija i istochnikovedenie otechestvennoj istorii“* [Collection of articles dedicated to the 60th anniversary of the birth of Valery Fedorovich Blokhin, Doctor of Historical Sciences. Ser. „Historiography and source study of Russian history“]. SPb - Bryansk, 2015: 211–219.
8. Finn P., Couva P. *Delo Zhivago. Kreml', CRU i bitva za zapreshhjonnuju knigu* [The Case of Zhivago. The Kremlin, the CIA and the Battle over the Forbidden Book]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2015. 349 p.
9. Khoroshevsky A.U. *100 znamenityh simvolov sovetskoj jepohi* [100 famous symbols of the Soviet era]. Kharkiv: FOLIO, 2006: 412–418.
10. Chikurova I.V., Chukhlantsev A.M. *Inakomyслиe v SSSR* [Dissent in the USSR]. Nauka i molodezh': problemy, poiski, reshenija. Novokuznetsk, 2014: 57–60.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Федин Александр Анатольевич, аспирант

Московский политехнический университет

ул. Б. Семёновская, 38, г. Москва, 107023, Российская Федерация

alexandr713fedin@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Fedin Alexandr Anatolyevich, Postgraduate

Moscow Polytechnic University

3, B.Semyonovskaya Str., Moscow, 107023, Russian Federation

alexandr713fedin@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-3-52-70

УДК 82

СИЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ В РОМАНЕ Э. ЕЛИНЕК «ПОХОТЬ» И ИХ ПЕРЕВОД

Акашева Т.В., Рахимова Н.М.

В настоящей статье рассматривается функциональная нагрузка сильных позиций текста в художественном дискурсе и описываются приемы их прагматической адаптации при переводе.

Сильные позиции, к которым принято относить заглавие, эпиграф, начало и конец текста, имеют огромное значение для организации, восприятия и интерпретации текста. Именно они, структурируя содержащуюся в тексте информацию, привлекают внимание читателя, подготавливают его к восприятию информации, а выражая авторскую интенцию, помогают сделать выводы из содержания прочитанного текста.

Как правило, исследования сильных позиций проводятся на материале одного языка и ограничиваются выявлением их функций. В данной статье сильные позиции сравниваются в исходном тексте и переводе, что и обусловило новизну подхода к их изучению. Материалом послужил роман Эльфриды Елинек «Похоть» и его перевод, выполненный А.В. Белобратовым. Актуальность данной работы заключается в изучении прагматического потенциала сильных позиций текста для раскрытия авторской интенции на материале романа Э. Елинек.

Объектом исследования являются сильные позиции текста-оригинала и текста-перевода.

Целью данной статьи является анализ функциональной нагрузки сильных позиций в тексте оригинала романа Э. Елинек «Похоть» и в тексте перевода. Для достижения указанной цели необходимо было решить следующие задачи: описать функции сильных позиций, определить приемы перевода и оценить возможность/

невозможность их передачи при реализации прагматической адаптации.

Методологической основой исследования являются основные положения теории текста, лингвистического анализа художественного текста, разработки современного отечественного и зарубежного переводоведения, определяющие перевод как коммуникативный акт, результат которого обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

Методы исследования: *контекстуальный анализ, сопоставительный анализ исходного и переводного текста с последующим анализом приемов передачи отношений между оригиналом и переводом на коммуникативно-прагматическом уровне.*

Исследование показало, что основной проблемой и сложностью для переводчика является не только языковой материал исходного текста, сколько необходимость сохранения функций сильных позиций. Для этого переводчик обращается к тем приемам, которые позволяют ему сохранить прагматический потенциал оригинала и донести его до реципиента принимающей культуры. Это подбор прямого соответствия, лексические и грамматические замены, смысловое развитие, компенсация и др.

При успешном переводе сильных позиций и на читателя текста-оригинала и на реципиент перевода происходит одинаковое идейное, эмоциональное и эстетическое воздействие, несмотря на то, что в разных культурах оно вербализовано разными языковыми средствами.

В ходе анализа было выявлено, что сильные позиции могут быть переданы в полном объеме при условии реализации прагматической адаптации.

Результаты данного исследования *имеют практическую направленность, т.к. они могут быть использованы при рассмотрении широкого круга проблем прикладного характера в теории текста, теории перевода.*

Ключевые слова: *творчество Э. Елинек; сильные позиции текста; художественный перевод; прагматическая адаптация; приемы перевода.*

STRONG POSITIONS IN THE NOVEL LUST BY E. JELINEK AND THEIR TRANSLATION

Akasheva T.V., Rakhimova N.M.

In this paper, we consider the functional load of strong positions of text in artistic discourse and describe the techniques for their pragmatic adaptation in translation.

The title, epigraph, beginning and end of the text are referred to as strong positions, being of great importance for the organization, perception and interpretation of the text. The strong positions structure the information that the text contains, attract the reader's attention, prepare them for the perception of information, as well as the way the author's intention is expressed, help to draw conclusions from the content of the read text upon reading.

As a rule, their studies are conducted on the basis of one language and are limited to identifying their functions. In this article, strong positions are compared in the original text and translation, which is why the novelty of the approach to their study has become evident. The material was a novel Lust by Elfriede Jelinek and its translation by A. Belobratov.

***The subject of the study** are the strong positions in both the original text and in the translated one.*

***The purpose of this article** is to analyze the functional load of strong positions in the above-mentioned text and in the text of the translation. To achieve this goal, it was necessary to do the following tasks: describe the functions of strong positions, determine the methods of translation and assess the possibility / impossibility of their transfer in the implementation of pragmatic adaptation.*

The main principles of the theory of the text, linguistic analysis of the artistic text, development of modern Russian and foreign translation studies, which determine the translation as a communicative act, the result of which is determined by both linguistic and extralinguistic factors, constitute the methodological basis of the research.

The following research method were used: the contextual analysis, comparative analysis of the source and translated text, followed by the analysis of the methods of transferring the relation between the original text and its translation at a communicative-pragmatic level.

The study showed that the main problem and complexity for the translator is not only the language material of the source text, but also the need to preserve the functions of strong positions. In order to achieve this, the translator refers to those techniques that allow them to preserve the pragmatic potential of the original text and bring it to the recipient of the receiving culture, i.e. a set of direct correspondence, lexical and grammatical substitutions, semantic development, compensation, etc.

With the successful transfer of strong positions, both the reader of the original text and the recipient of the translation get a similar ideological, emotional and esoteric impact, despite the fact that in different cultures it is verbalized by using different linguistic means.

In the course of the analysis, it was revealed that strong positions can be transferred in full provided that pragmatic adaptation has been implemented.

The results of this study can be used when considering the problems of text theory, the theory of translation in applied aspects.

Keywords: *works by E. Jelinek; strong positions of the text; literary translation; pragmatical adaptation; methods of translation.*

Введение

В настоящей статье мы рассматриваем функциональную нагрузку сильных позиций в художественном произведении, а также их сохранность в тексте перевода. Это обусловило новизну подхода к изучению сильных позиций, так как, как правило, сильные позиции изучаются только на материале одного языка. Актуальность данной работы заключается в изучении прагматического потенциала сильных позиций текста для раскрытия авторской интенции на материале романа Э. Елинек.

Смысловые доминанты текста всегда привлекали внимание лингвистов, филологов, литературоведов, ученых-герменевтиков

и философов. Однако пристальное изучение этих структур, являющихся универсальным инструментом постижения смысла любого произведения, началось сравнительно недавно, что связано, прежде всего, с развитием лингвистики текста.

Сильные позиции текста изучаются, как правило, не комплексно, а отдельно. Литературоведы, филологи и теоретики перевода исследуют большей частью заглавие и эпитафия. Наиболее активно изучаются заглавия художественных произведений. Например, О.Ю. Богданова [6], Л. Ли [13] и др. рассматривают структурные и содержательные характеристики заглавий, их взаимосвязь с текстом произведения.

Г.М. Колеватых [9], А.И. Домашнев, И.П. Шишкина и Е.А. Гончарова [7] изучают особенности заглавия как часть индивидуального стиля автора художественного произведения, а также влияние исторической эпохи на форму и содержание заглавий. Литературоведы также активно изучают эпитафия, в частности, его функционирование в структуре произведения и семантическую связь эпитафия с текстом произведения рассматривали В.С. Ларкин [12], а И.Г. Тимокова [15] изучала функционирование эпитафия в немецкоязычном тексте. К наиболее ценному комплексному научному труду о сильных позициях текста можно отнести работу И.В. Арнольд «Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста», в которой они рассматриваются в аспекте декодирования с целью адекватного понимания и интерпретации информации, получаемой в процессе коммуникации [3].

Сильные позиции связаны с текстом двусторонними отношениями: с одной стороны, сильные позиции предварительно предоставляют читателю информацию, изложенную в тексте, а с другой стороны, смысл сильных позиций по-новому раскрывается перед читателем после прочтения всего текста.

Сильные позиции, играющие важную роль в раскрытии замысла автора, требуют особого подхода при переводе, так как прагматический потенциал текста в одной культуре может не совпадать с прагматическим потенциалом текста в инокультуре даже при усло-

вии безукоризненного перевода. Поэтому их перевод без прагматической адаптации невозможен.

Проблемы прагматической адаптации при переводе в современной теории перевода изучены достаточно хорошо. В отечественном и зарубежном переводоведении их исследовали такие известные ученые, как Л.С. Бархударов [4], В.Н. Комиссаров [10], А.Д. Швейцер [16], Е.А. Nida [25], Ch. Nord [26], S. Gaur, N.H. Vo, K. Kashihara, C. Baral [19], S. Wurm [28].

По мнению Л.С. Бархударова, понятие прагматики включает все аспекты, связанные с пониманием участниками коммуникативно-го процесса языковых единиц и речевых произведений, а также их трактовкой в зависимости от языкового и экстралингвистического опыта людей, участвующих в коммуникации [4, с. 107].

В случае осуществления коммуникации через переводчика на степень понимания дополнительно влияет опыт переводчика, т.к. прагматика перевода определяется «как влияние на ход и результат переводческого процесса необходимости воспроизвести прагматический потенциал оригинала и стремление обеспечить желаемое воздействие на Рецептора перевода» [10, с. 210].

Таким образом, прагматический потенциал оригинала можно определить как «способность текста производить коммуникативный эффект, вызвать у Рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществить прагматическое воздействие на получателя информации» [Там же]. На этой основе можно выявить следующие значимые компоненты достижения коммуникативного эффекта текста перевода, равнозначного коммуникативному эффекту текста оригинала: воспроизведение прагматического потенциала исходного текста, воздействие на реципиента текста перевода и восприятие реципиентом перевода исходного сообщения.

Как отмечают все теоретики перевода, занимающиеся транслатологической классификацией текстов, степень достижения коммуникативного эффекта при переводе зависит от типа текста. Различные типы текстов требуют различного подхода к переводу. Художественные произведения, предназначенные для представите-

лей исходной культуры, могут быть успешно переведены на другие языка с учетом прагматических факторов. Только в этом случае перевод художественного текста будет являться неотъемлемой частью принимающей культуры.

Наше исследование построено на материале романа Э. Елинек «Похоть» (Elfriede Jelinek “Lust”) и его перевода, выполненным А. Белобратовым.

Современная австрийская писательница, лауреат Нобелевской премии 2004 г. в области литературы Э. Елинек является автором более 40 прозаических, поэтических и драматических произведений, большая часть из которых переведена на русский язык. Творчество Э. Елинек изучается как зарубежными (М. Brunner [17], A. Doll [18], Ch. Gürtler [20], Y. Hoffmann [21], G. Honneger [22], M. Janz [23], E. Spannlang [27]), так и отечественными литературоведами (А. Белобратов [5], Г. Кучумова [11], А. Плахина [14]). Основными направлениями их исследований являются феминистские идеи, гендерные отношения, интертекстуальность, разрушение мифов и критика современного общества, а также языковое мастерство автора. Исследований на основе сравнительно-сопоставительного анализа текстов ее произведений и текстов переводов на данный момент.

Результаты и обсуждение

В содержательной структуре любого произведения существенная нагрузка принадлежит заголовку, который в краткой форме передает его основную тему и идею. Заглавие тесно связано с текстом, который оно называет, и часто насыщено целым рядом смыслов.

Эпиграф как текст в тексте помогает раскрыть содержание текста в свете уже ранее сказанного или написанного. Являясь, как любая сильная позиция, важным элементом коммуникации между автором и реципиентом, эпиграф также выполняет эстетическую функцию.

Организация текста в единое композиционное целое реализуется через начало и конец текста, которые выполняют значимые для интерпретации текста функции, а именно, выделительную, разграничительную, объединительную, функцию «переключения» действия,

лимитирующую, функцию описания и поворота действия. Играя одну из ключевых ролей в правильном восприятии изложенной в тексте информации, они способствуют достижению автором цели создания текста.

Многообразие функций и большой смысловой наполненности сильных позиций текста противопоставлена их относительная краткость, в результате чего для сильных позиций характерна высокая степень компрессии смысла. Эта особенность сильных позиций часто заставляет автора текста, особенно художественного, задействовать при их создании весь потенциал выразительных средств своего родного языка: стилистические фигуры и средства художественной выразительности, такие как метафоры, гиперболы, яркие эпитеты, фразеологизмы, многозначные слова и др., а также культурные реалии и интертекст.

Все эти особенности сильных позиций делают их перевод ответственной и непростой задачей. Поскольку сильные позиции текста призваны оказывать на читателя наибольшее идейное и эмоциональное воздействие, которое в разных культурах часто достигается разными языковыми средствами, особое значение при их переводе приобретает прагматическая адаптация.

Выделенные и описанные на сегодняшний день типы и приемы прагматической адаптации текста при переводе сильных позиций имеют определенную специфику. Ввиду краткости таких сильных позиций текста как эпиграф и заглавие, экспликация информации при их переводе существенно ограничена; в то же время высокая степень компрессии смысла в этих сильных позициях делает почти невозможной импликацию и опущение информации без потери как минимум части их значения. При переводе начала и конца текста важно учитывать, что эти сильные позиции тесно связаны между собой как смысловыми и логическими, так нередко и лексическими средствами, которые очень важно передать и в переводе. Все эти сложности прагматической адаптации при переводе сильных позиций текста часто вынуждают переводчика принять более свободный, творческий подход к переводу – т.е. в значительной степени,

а то и полностью отказаться от лексической и синтаксической эквивалентности в пользу неэквивалентного перевода, лучше передающего прагматический потенциал оригинала реципиенту перевода.

Роману «Похоть», как и всем произведениям Э. Елинек, «присущ особый стиль, характеризующийся выраженной языковой игрой, которая разрушая привычные речевые клише, ведет к разрушению стереотипов общественного сознания. Смело сочетая игру реального языка и языка, обусловленного самим языком, то что Р. Барт дефинирует как «язык-объект» и «метаязык», Э. Елинек создает сложные интертекстуальные конструкты...» [1, с. 5]. Прочтение и понимание романа «Похоть» предполагает у читателя определенных и глубоких фоновых знаний с целью идентификации претекстов и многочисленных отсылок к известным литературным и философским трудам. Следовательно, представленные в данном произведении сильные позиции текста, такие как заглавие, эпитафия, начало текста и конец текста, несут огромную нагрузку и представляют особую сложность при переводе.

Сложность языка Елинек – некоторая нелогичность повествования, смешения высокого и разговорного стиля, а также короткие, часто неполные предложения – сильно осложняет восприятие текста оригинала. Русские литературные тексты обычно намного более описательны, детализированы, больше насыщены выразительными средствами и стилистическими фигурами. Чтобы сделать текст более близким и понятным русскоязычному читателю, А.В. Белобратову пришлось произвести достаточно глубокую прагматическую адаптацию текста. Так, в большом количестве случаев он использовал добавления, чтобы пояснить читателю подразумеваемую в оригинале информацию. Например, *die seine – своей женой, der Kadaver – тничий трупик*. Также он повысил в переводе уровень эмоциональности и выразительности текста, порой значительно отходя от оригинала. Например: *Die Frau hat einen großen reinen Kopf. – У женщины пышная и гордо уложенная прическа; wenn sie in den Stahl gehen und grausame Fremde für Tiere werden – направляясь в хлев и пугая скотину своими зловецими тенями; auf allen*

vieren kriechend – *подкралась на мягких лапах*. По тем же соображениям были добавлены в текст перевода стилистические фигуры, отсутствующие в оригинале. Например, *ein Marder oder eine Katze* – *Куница – или это была кошка?* Также для облегчения восприятия текста русскоязычными читателями Белобратов применил контекстуальные замены: *er zählt allein* – *он сам по себе – особая статья*; *die beiden Eheleute (...) sind und waren sich alles* – *они были и есть одно неразрывное целое*.

Для перевода заглавия романа А.В. Белобратов выбрал самый экспрессивный, самый сильный вариант. Слово «Lust» в немецком языке многозначно: «удовольствие», «увлеченность», «потребность», «страсть», «похоть», «желание», «вожделение», «радость», «склонность». Выбрав слово «похоть», он последовал за плотским, низким наполнением текста, а также за общей маргинальной тональностью, что соответствует сути описываемого. Ведь основная тема романа – это насилие и власть в частной и интимной жизни, роль женщины в мире тотального потребительства, доминирование мифов обыденного сознания в отношениях между людьми и неизбежное одиночество человека перед лицом каждодневного умирания. Это произведение можно определить и как анти-порнографический роман, злую виртуозную пародию на форму и язык порнографии, захлестнувшей и разъедающей голову современного обывателя. Выбранный переводчиком вариант заглавия предвосхищает ожидания читателя перевода и настраивает его на адекватное прочтение.

Очень показательна филигранная работа переводчика над эпиграфом. Э. Елинек предпослала свой роман отрывком из стихотворения испанского поэта и католического святого Хуана де ла Круса, жившего во второй половине XVI века:

*Tief in versenktem Raume
trank ich vom Freund... Als ich zum Tag mich wandte,
war ich zum fernsten Saume
kein Ding, das ich noch kannte –
die Herde war entrückt, mit der ich rannte*

В переводе эпитафия выглядит следующим образом:

*Там, в потаенном гроте,
Устами друга Я жажду утоляла...
И к свету дня оборотаясь,
Исхоженного луга не узнала,
И стадо, что пасла, я растеряла!*

При переводе этого стихотворного отрывка следовало учитывать два момента: во-первых, отсутствие официально изданного перевода произведения Хуана де ла Круса, вследствие чего А.В. Белобратов создал свой перевод. Во-вторых, эпитафия имеет стихотворную форму, что делает его адекватный перевод непростой задачей, поскольку в поэтическом переводе крайне трудно сохранить и стихотворную форму, и весь спектр образов, заключенных в поэтическом тексте. Сохранение стихотворной формы – то есть обеспечение переводчиком восприятия данной цитаты реципиентом перевода как поэтического текста – потребовало значительного изменения исходного текста: перестройки образного ряда, неравнозначных замен. Кроме того, опираясь на текст романа, переводчик вложил в «бесполоую» в немецком языке грамматическую форму первого лица признаки женского рода, чтобы донести до реципиента перевода адекватное понимание того, что строки эпитафия характеризуют главную героиню романа.

Однако, из-за поставленной задачи сохранения стихотворной формы и эстетической благозвучности эпитафия в языке перевода в содержательном плане произошло незначительное смещение акцента: в оригинале лирический герой (или героиня) стихотворения в последней строке теряет *стадо, с которым бежала*, а в переводе лирическая героиня *растеряла стадо, которое пасла*. Весь роман Елинек пронизан лейтмотивом «стада»: стадом тянутся на фабрику работницы, стадом их заставляют петь в хоре, стадом мелькают кадры порнофильма в доме директора, стадом бредут горнолыжники по склонам горы, и даже женщина характеризуется в романе как единица стада, пасущаяся на природе, но должна знать свой загон. Поэтому, с нашей точки зрения, в эпи-

графу было бы целесообразно постараться сохранить мотив «бег со стадом» или «бег в стаде».

Начало и конец текста, ввиду их тесной взаимосвязи, рассматриваются нами вместе. Величественный, почти библейский тон первого абзаца романа создается автором за счет вписанных в текст фраз и эпитетов, характерных для Библии – *ewiger Vater, der ihnen die Wahrheit ausschenkt wie seinen Atem, Die beiden Eheleute (...) sind und waren sich alles*. А.В. Белобратов воссоздал этот мотив в переводе следующим образом: *Вечный Отец, громогласно возвещает, они были и есть одно неразрывное целое* и др. – причем, если ему не удавалось передать прагматическое воздействие подобных фраз конкретно в переводе соответствующих мест текста, то он компенсировал эту потерю созданием библеизмов в других предложениях и словосочетаниях начала романа.

Конец романа обличает фальшивость современных общечеловеческих ценностей, несущих человеку лишь беспокойство, тогда как вечный покой времени и смерти пугает его, заставляет чувствовать себя связанным, беспомощным, будит в нем всепоглощающую жажду разрушения и самоуничтожения. Этот контраст суетного земного мира и мира вечности, мастерски переданный в оригинале при помощи противопоставления разговорной лексики в описании земного мира лексике возвышенной, описывающей мир вечный и ощущения, вызываемые им у женщины – главной героини романа. Например, возвышенная лексика: *Hinter zarter Kleidung der Mond – Луна укрылась за снежным одеянием; Das Wasser hat das Kind umfassen – Воды объяли ребенка; und bekrönt ist ihre Zeit, in deren Fesseln sie sich windet – и время ее увенчано венком, время, в путях которого она бьется*. Стилистически сниженная лексика: *egal – какая разница; wenn es niemand an die Leine nimmt – если никто не сажает их на привязь; all dem Geld, das (...) auf der Erde frei herumrennt – всеми теми деньгами, которые (...) носятся по земле*.

В результате предпринятых переводчиком прагматических преобразований удалось сохранить основной мотив начала тек-

ста. У Э. Елинек – это картина всеобщего благоденствия, царства «Вечного Отца» на земле, которая неожиданно и, на первый взгляд, нелогично, омрачается описанием крови убитой птицы на снегу. В переводе так же четко, как и в оригинале, начало романа противопоставлено концу романа, в котором равнодушно прекрасная природа взирает на жалкие и суетливые человеческие существа с их деньгами и прочими фальшивыми ценностями, которые, однако, беспомощны перед лицом старения и смерти.

Как показал анализ, А.В. Белобратов применил целый комплекс переводческих приемов: от подбора прямого соответствия до всей палитры способов прагматической адаптации: добавление, упущение, лексические и грамматические замены, смысловое развитие, компенсация и др. Именно это позволило сохранить прагматический потенциал оригинала художественного произведения в тексте перевода.

Анализ, проведенный на материале только одного произведения Э. Елинек и его перевода на русский язык, привел несомненно к достоверным, но частным выводам. Разработка этой темы на материале других произведений Э. Елинек позволит подтвердить полученные в данном исследовании результаты и получить более общие выводы о возможности сохранения прагматического потенциала сильных позиций в тексте перевода.

Кроме того, несомненный интерес представляет сравнение переводов одного произведения разными переводчиками, например, с точки зрения гендерного фактора (перевод романа «Любовницы» А.В. Белобратовым и А.С. Глазовой).

Заключение

Итак, исследование показало:

1. Сильные позиции несут большую функциональную нагрузку в художественном тексте для раскрытия авторской интенции, поэтому в тексте перевода они должны решать те же задачи, что и в тексте оригинала.

2. Основной проблемой и сложностью для переводчика в отношении перевода сильных позиций является не только языковой материал исходного текста, сколько необходимость сохранения функций сильных позиций. Для этого переводчик обращается к тем приемам, которые позволят ему сохранить прагматический потенциал оригинала и донести его до реципиента принимающей культуры. Наиболее частотные приемы: добавление, лексические и грамматические замены, смысловое развитие, реже – компенсация.
3. При успешном переводе сильных позиций и на читателя текста-оригинала, и на реципиент перевода происходит одинаковое идейное, эмоциональное и эстетическое воздействие, несмотря на то, что в разных культурах оно вербализовано разными языковыми средствами.
4. Данный анализ показал, что сильные позиции могут быть переданы в полном объеме при условии реализации прагматической адаптации.

Список литературы

1. Акашева Т.В., Песина С.А., Рахимова Н.М., Землянухина Е.В. Когнитивные стратегии интерпретации интертекстуальных включений в художественном дискурсе (на материале произведений Э.Елинек) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2(47). С. 5–10.
2. Акашева Т.В., Рахимова Н.М., Рахимова Л.М. Культурный трансфер как основополагающий фактор реализации переводческой стратегии // Современные исследования социальных проблем. 2017. Том 9. № 3–2. С. 195–203.
3. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. №4. С. 23–31.
4. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения. 1975. 236 с.
5. Белобратов А.В. Эльфрида Елинек // История австрийской литературы XX века. М., 2010. Т. 2. С. 439–460.

6. Богданова О.Ю. Заголовок как элемент текста // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2007. Т. 13, №1. С. 116–119.
7. Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста. М.: Просвещение, 1989. 206 с.
8. Елинек Э. Похоть: пер. с нем. Александра Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2006. 318 с.
9. Колеватых Г.М. Заглавие в русской поэзии 1980–1990-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина., Калуга, 2008. 247 с.
10. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
11. Кучумова Г.В. Немецкоязычный роман 1980–2000 гг.: курс на демифологизацию: монография. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2009. 152 с.
12. Ларкин В.С. Эпиграф как элемент кодирования смысла художественного текста: на материале романа В. Скотта «Айвенго»: дис. ... канд. филол. наук. М., Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова. 2010. 212 с.
13. Ли Л. Структура, семантика и прагматика заглавий художественных произведений: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 185 с.
14. Плахина А.В. Немецкоязычная, но не немецкая. Некоторые аспекты австрийской прозы 1970–1990-х годов // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 5–37.
15. Тимакова И.Г. Функционирование эпиграфов в немецкоязычном тексте: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 203 с.
16. Швейцер А.Д. К проблеме лингвистического изучения процесса перевода // Вопросы языкознания. 1970. № 4. 167 с.
17. Brunner M.E. Die Mythenzertrümmerung der Elfriede Jelinek. Neuried: ars una, 1997. 197 s.
18. Doll A. Mythos, Natur und Geschichte bei Elfriede Jelinek. Eine Untersuchung ihrer literarischen Intentionen. Stuttgart: M&P, 1994. 211 s.
19. Gaur S., Vo N.H., Kashihara K., Baral C. Translating simple legal text to formal representations // Lecture Notes in Computer Science. Volume 9067, 2015, pp. 259–273.

20. Gürtler Ch. Gegen den schönen Schein. Texte zu Elfriede Jelinek. Frankfurt/M.: Neue Kritik, 1990. 176 s.
21. Hoffmann Y. Elfriede Jelinek. Sprach- und Kulturkritik im Erzählwerk. Opladen: westdeutscher Verlag, 1999. 225 s.
22. Honneger G. Elfriede Jelinek: How to get the Nobel Prize without really trying // Theater Volume 36, Issue 2, 2006. S. 5–19.
23. Janz M. Elfriede Jelinek. Stuttgart: Metzler, 1995. 182 s.
24. Jelinek E. Lust. Roman. Reinbek (Rowohlt), 1989. 255 s.
25. Nida E.A., Taber Ch. R. The theory and practice of translation. Leiden, 1969. 218 p.
26. Nord Ch. Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse. Heidelberg, 1992. 275 s.
27. Spannlang E. Elfriede Jelinek. Studien zum Frühwerk. Wien: VWGÖ, 1992. 364 s.
28. Wurm S. From writing to sign. An investigation of the impact of text modalities on translation. // Translation and Interpreting Studies. The Journal of the American Translation and Interpreting Studies Association, Volume 13. Issue 1, 2018, pp. 130–149.

References

1. Akasheva T.V., Pesina S.A., Rakhimova N.M., Zemlyanukhina E.V. Kognitivnyye strategii interpretatsii intertekstual'nykh vklucheniyy v khudozhestvennom diskurse (na materiale proizvedeniyy E.Jelinek) [Interpreting Cognitive Strategies of Intertextual Inclusions in Belles-Lettres Discourse (based on E. Jelinek's prose literature)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2016. № 2(47), pp. 5–10.
2. Akasheva T.V., Rakhimova N.M., Rakhimova L.M. Kul'turnyy transfer kak osnovopolagayushchiy faktor realizatsii perevodcheskoy strategii [Cultural Transfer as a Fundamental Factor in the Implementation of Translation Strategies]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem*. 2017. V. 9. № 3–2, pp. 195–203.
3. Arnol'd I.V. Znachenie sil'noy pozitsii dlya interpretatsii khudozhestvennogo teksta [The Importance of a Strong Position for the Interpre-

- tation of a Literary Text]. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 1978. №4, pp. 23–31.
4. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod* [Language and Translation]. M.: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 1975. 236 p.
  5. Belobratov A.V. El'frida Elinek [Elfriede Jenilek]. *Istoriya avstriyskoy literatury XX veka* [History of Austrian literature of the twentieth century]. M., 2010. V. 2, pp. 439–460.
  6. Bogdanova O.Yu. *Zagolovok kak element teksta* [Title as a Text Element]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 2007. V. 13, №1, pp. 116–119.
  7. Domashnev A.I., Shishkina I.P., Goncharova E.A. *Interpretatsiya khudozhestvennogo teksta* [Literary Text Interpretation]. M.: Prosveshcheniye, 1989. 206 p.
  8. Jelinek E. *Pokhot'* [Lust]: per. s nem. Aleksandra Belobratova. SPb.: Simpozium, 2006. 318 p.
  9. Kolevatykh G.M. *Zaglavyye v russkoy poezii 1980–1990-kh gg.* [Title in Russian Poetry of the 1980–1990-ies]: dis... kand. filol. nauk. Elets. gos. un-t im. I.A. Bunina., Kaluga, 2008. 247 p.
  10. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [Translation Theory (linguistic aspects)]: uchebnyk dlya in-tov i fak. inostr. yaz. M.: Vyssh. shk., 1990. 253 p.
  11. Kuchumova G.V. *Nemetskoyazychnyy roman 1980–2000 gg.: kurs na demitologizatsiyu* [German-Language Novel 1980–2000: a Course for Demythologization]: monografiya. Samara: Samar. gumanit. akad., 2009. 152 p.
  12. Larkin V.S. *Epigraf kak element kodirovaniya smysla khudozhestvennogo teksta: na materiale romana V. Skotta «Ayvengo»* [Epigraph as an Element of Coding the Meaning of a Literary Text: on the Material of V. Scott's novel *Ivanhoe*]: dis...kand. filol. nauk. M., Mosk. gos. gumanitar. un-t im. M.A. Sholokhova, 2010. 212 p.
  13. Li L. *Struktura, semantika i pragmatika zaglavii khudozhestvennykh proizvedeniy* [Structure, Semantics and Pragmatics of Literary Titles]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2004. 185 p.
  14. Plakhina A.V. *Nemetskoyazychnaya, no ne nemetskaya. Nekotoryye aspekty avstriyskoy prozy 1970–1990-kh godov* [German-Language one,

- but not German. Some aspects of Austrian Prose in 1970–1990-ies]. *Voprosy literatury*. 2007. № 6, pp. 5–37.
15. Timakova I.G. *Funktsionirovaniye epigrafov v nemetskoyazychnom tekste* [Functioning of Epigraphs in the German Text]: dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 203 p.
  16. Shveytser A.D. K probleme lingvisticheskogo izucheniya protsessa perevoda [On the problem of Linguistic Study of the Translation Process]. *Voprosy yazykoznaniya*. 1970. № 4. 167 p.
  17. Brunner M.E. Die Mythenzertrümmerung der Elfriede Jelinek. Neuried: ars una, 1997. 197 p.
  18. Doll A. Mythos, Natur und Geschichte bei Elfriede Jelinek. Eine Untersuchung ihrer literarischen Intentionen. Stuttgart: M&P, 1994. 211 p.
  19. Gaur S., Vo N.H., Kashihara K., Baral C. Translating simple legal text to formal representations Lecture Notes in Computer Science. Volume 9067, 2015, pp. 259–273.
  20. Gürtler Ch. Gegen den schönen Schein. Texte zu Elfriede Jelinek. Frankfurt/M.: Neue Kritik, 1990. 176 p.
  21. Hoffmann Y. Elfriede Jelinek. Sprach - und Kulturkritik im Erzählwerk. Opladen: westdeutscher Verlag, 1999. 225 p.
  22. Honneger G. Elfriede Jelinek: How to get the Nobel Prize without really trying. *Theater* Volume 36, Issue 2, 2006, pp. 5–19.
  23. Janz M. Elfriede Jelinek. Stuttgart: Metzler, 1995. 182 p.
  24. Jelinek E. Lust. Roman. Reinbek (Rowohlt), 1989. 255 p.
  25. Nida E.A., Taber Ch.R. The theory and practice of translation. Leiden, 1969. 218 p.
  26. Nord Ch. Textanalyse und Übersetzen. Theoretische Grundlagen, Methode und didaktische Anwendung einer übersetzungsrelevanten Textanalyse. Heidelberg, 1992. 275 p.
  27. Spannlang E. Elfriede Jelinek. Studien zum Frühwerk. Wien: VWGÖ, 1992. 364 p.
  28. Wurm S. From writing to sign. An investigation of the impact of text modalities on translation. Translation and Interpreting Studies. The Journal of the American Translation and Interpreting Studies Association. Volume 13. Issue 1, 2018, pp. 130–149.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Акашева Татьяна Валентиновна, кандидат филологических наук
*Магнитогорский государственный технический универси-
тет им. Г.И. Носова*
просп. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Российская Федерация
akasheva.tv@yandex.ru

Рахимова Нурия Мухаметовна, кандидат филологических наук
*Магнитогорский государственный технический универси-
тет им. Г.И. Носова*
просп. Ленина, 38, г. Магнитогорск, Российская Федерация
nuria_rahimova@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Akasheva Tatyana Valentinovna, Candidate of Philology
Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Ave., Magnitogorsk, Russian Federation
akasheva.tv@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2695-5070

Rakhimova Nuriya Mukhametovna, Candidate of Philology
Magnitogorsk State Technical University
38, Lenin Ave., Magnitogorsk, Russian Federation
nuria_rahimova@list.ru
ORCID: 0000-0003-2427-0032

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-3-71-83

УДК 821.512.142.0

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ТЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПОЭМЕ

Узденова Ф.Т.

Цель исследования заключается в выявлении на материале поэмы специфики отражения темы Великой Отечественной войны в творчестве северокавказских авторов.

Метод. В работе использованы сравнительно-исторический и структурно-семиотический методы.

Результаты. Исследованы основные мотивы и императивные формулы поэзии о Великой Отечественной войне, выявлены, как основные, две модели изображения: натуралистическое описание (прием наглядности) и осмысление трагики войны с позиции историзма (ретроспективный взгляд). Показано, что переход от чисто эмоционального и иллюстративного изображения военной действительности – к ее анализу, к социально-историческому и философскому осмыслению сопровождается вовлечением условных форм обобщения (аллегория, метафора), способствующих объективному отражению трагических страниц прошлого. Новшеством явилось введение фольклорных элементов – плачей, контрастирующих средств (изображение красоты и гармонии природы и разрушительных сил войны), развитая ассоциативность. Такого рода новизна образного мышления с наибольшей силой проявилась в поэнном жанре, в героико-биографических поэмах и поэмах-посвящениях.

Область применения результатов. Результаты исследования могут найти применение в ходе выполнения интегративных научных проектов, при подготовке учебных пособий и спецкурсов по литературе народов Северного Кавказа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945; поэма; северокавказская литература; подвиг; мужество; патриотизм; тема исторической памяти.

PECULIARITIES OF THE REFLECTION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR THEME IN THE NORTH CAUCASIAN POEM

Uzdenova F.T.

Purpose. *The aim is to study the specifics of the Great Patriotic War theme on poem material in the works of the North Caucasian authors.*

Method. *The work uses the comparative-historical, structural-semiotic methods of investigation.*

Results. *The main motives and imperative formulas of poetry about the Great Patriotic War are investigated, two depiction models are pinpointed as the main ones: a naturalistic model (demonstrativeness technique) and contemplation upon tragedy of the war from a historicism position (a retrospective look). It is shown that transition from purely emotional and illustrative presentation of the war reality to its analysis that included social and historical and philosophical understanding was followed by using the conditional forms of generalization (an allegory, a metaphor) that promote unbiased interpretation of tragic of the past. Innovation is the introduction of folklore elements, i.e. weeping, contrasting means (depicting the beauty and harmony of nature and the destructive forces of war), as well as developed associative thinking is believed to be quite innovative. Such novelty of figurative thinking was vividly shown in the poem genre, mainly in heroic-biographic poems and dedication poems.*

Practical implications. *The results of the research can be used in the course of the scientific projects, in the preparation of textbooks and special courses on literature of the peoples of the North Caucasus.*

Keywords: *Great Patriotic War 1941–1945; poem; North Caucasian literature; heroic deed; courage; patriotism; historical memory theme.*

Тема Великой Отечественной войны в творчестве северокавказских авторов раскрывается практически во всех жанрах поэзии,

прозы, драматургии. Это и глубоко личная исповедальная лирика, и насыщенный яркими героическими образами роман, но особенное значение в раскрытии военной тематики занимает жанр эпический (в практике чаще – лиро-эпический), позволяющий отразить масштаб трагедии в наиболее выразительной, патетической форме. Самый значительный и глубокий пласт – поэмы о героях (по типу: «Лиза Чайкина» М. Комисаровой, «Зоя» М. Алигер, «Сын» П. Антокольского, «Валя» В. Ляшенко), в основе их – документальный материал, воссоздающий батальные сцены, бесстрашие подлинных участников событий. Прототипы героев – адыгеец Хусен Андрухаев и балкарец Алим Байсултанов (Герои Советского Союза), карачаевка Залихат Эркенова (она же явилась прототипом героини И. Боташева в пьесе «Подвиг горянки» и образа Зайнаф в романе О. Хубиева «Аманат»), ногайка Крымхан Мижева и др.

Углублением национально-поэтических традиций и созданием произведений с выраженной патриотической составляющей отмечена поэзия военного периода, в эмоциональной форме выразившая личное (а через него всенародное) отношение поэтов к «героическим деяниям защитников Родины» (И. Палкин). В ней «проявилась тенденция одического воспевания подвигов, парадности и помпезности» [3, с. 34], более того – она пронизана элементами народного творчества (поэмы А. Аджиева «Муртаза» (1943), А.-В. Сулейманова «Умар Паша» (1944)). Поэты обращаются к прошлому, национальным истокам в поисках примеров героизма. В поэме кумыка А. Аджиева «Муртаза» испытания, выпавшие на долю воина и его отца, составляют своеобразный комплекс душевных переживаний. Для усиления лирического начала автор вводит элементы фольклорной поэтики: символику, эпитеты, метафоры, обогащает стих инверсионными словосочетаниями, припевами, рефренами народных песен:

*Талай-тулай, тулалай,
Ел тютюнню буралай.
Бёрюге дюнк къзабыз
Барындан да бу къолай.*

*Талай-тулай, тулалай,
Ветер крутит дым.
Волку яму копаем
Это лучше всего [2, с. 116].*

Подстр. пер. Р. Ахмедовой

Посредством усилительных конструкций и экспрессивных моделей («Къаргъа, анам, къаргъа, Гитлерни къаргъа!» («Прокляни, мама, прокляни, Гитлера прокляни!»)) раскрывается движение мыслей и чувств солдата; поэма наполняется конкретным смыслом действительности.

В кабардинской литературе показательно творчество Амирхана Хавпачева («Партизаны Кабарды», 1944), Алима Кешокова («Отец», 1944–1945), Адама Шогенцукова («Подвиг», 1946–1957). Поэма А. Хавпачева максимально приближена к жанру традиционной «песни о храбрых мужах»:

*Сыны мои, бесстрашные мои,
Спасут страну лишь смертные бои.
Достоин будет славы только тот,
Кто первым грудью на врага пойдет,
Кому любые битвы нипочем,
Кто цену жизни вымерил мечом...*

В поэме А. Кешокова «Отец» отчетливо просматриваются нравственно-этические формулы, корнями уходящие в этнические традиции адыгского народа. «...Старик Жанхот убивает своего сына за предательство... Подобные обычаи могут представиться непосвященному человеку жестокими. Но тот, кто хорошо знаком с кавказским менталитетом, непременно увидит в этом целую систему мировосприятия и воспитания, своими культурными традициями уходящими вглубь столетий» [4, с. 77].

Многие произведения написаны в жанрах послания и посвящения. К примеру, у К. Отарова: «Поэтни белгисиз къабырына» («Поэта безымянная могила», 1943) о талантливом поэте А. Будаеве, «Сени жашауунг учхан жулдузча» («Твоя жизнь подобна комете», 1943) – чекисте Хасане Асанове другу и соплеменнику

К. Кулиеву адресовано стихотворение «Тенгиме сёз» («Моему другу», 1942), кабардинскому поэту А. Кешокову – «Булбулла» («Соловьи», 1942).

Повторное обращение к военной тематике происходит на рубеже 50–60-х годов.

В поэме А.-В. Сулейманова «Друг мой» звучит та же тема, что и в поэмах 40-х годов («Умар Паша, «Герой Днепра»). За давностью лет не стерлись в памяти черты и подвиг друга. Для усиления лирической основы поэт использует обращения, риторические вопросы, повторы, восклицания:

*Скажи, что сделал ты
для мира?
Или ты жизнь прожил, отчаянно вспахав ее?
Да, Алев, ты землю вспахал и посеял при жизни.
Ты душу, как книгу, людям раскрыл,
Ты был богат!
Алев, как ты был богат!* [2, с. 118–119]

Подстр. пер. Р. Ахмедовой

(Обращение как репрезентативная форма широко используется в позициях с выраженной патетикой [5, с. 101–103]). В отличие от произведений периода войны жанровое исполнение тяготеет к прозаическому повествованию (рассказу), сохраняя, тем не менее, эмоционально-патетическое начало. Разносторонность изображения достигается чередованием субъективной и объективной точек зрения (от себя и от «мы»).

Примерно в это же время создаются поэмы «Шохлукъ» («Дружба») О. Хубиева (посвященная памяти фронтового товарища – «Аскерчи тенгиме М. Лебедевге» («Фронтовому другу М. Лебедеву»), «На могиле друга» Х. Ашинова, «Память» И. Машбаша.

К концу 60-х в северокавказской поэзии появляются поэмы, авторы которых пережили свое детство и отрочество в тяжелые годы войны. По форме это преимущественно поэмы-исповеди, лирические монологи, поэмы-посвящения. В них выразились горестные чувства детей, потерявших отцов на войне, матерей, ждущих сы-

новой с фронта, сестер, оплакивающих братьев, не вернувшихся с войны.

Главную героиню лирической поэмы абазинского писателя Б. Тхайцукова «Сата» война застает за домашним очагом:

*Мать оцепенела,
Схватилась за горячую плиту,
Но не чувствует боли –
Огненная буря бушует в ней самой:
Когда сердце горит в огне,
Разве почувствуешь, что палец обжег?
Когда сердце загорелось огнем,
Заметишь ли, что пылает лицо [7, с. 40].*

Подстр. пер. В. Тугова

...Образ матери-горянки – сильной, волевой, способной бороться за свое счастье и счастье других – традиционный образ в литературах Северного Кавказа. Исполненная чувства гражданского долга, она (мать), как и тысячи других женщин, берется в годы войны за оружие, «не уходит от жаркой работы... – работает за всех сыновей своих» [Там же. С. 125], становится матерью для ребенка умирающей русской партизанки. (См. у К. Отарова в «Балладе о седой матери»: «Враг – в горах!.. О родине и муже, мстя фашистам, думала вдова» (К. Отаров);

В изображении «лика» войны поэт обращается к символике (родовому свойству лирики): «она» (война – уточ. – Ф.У.) – «змея», враг, который может «сгубить еще десяток цветов».

Боль матери, потерявшей сыновей, составляет психологический портрет и лирической поэмы кумыка М. Атабаева «Урлангъан ажжал» – «Похищенная смерть» (1968):

*Как с подбитыми крыльями птица,
Бьется мать предо мной на земле...
И рассыпались волосы пеплом
По весенней зеленой земле...*

Сравнительная характеристика подается с особым внутренним накалом, сила ассоциативного мышления автора раскрывается в создании образа плачущей матери.

*Но зло войны
и горе
Я видел
в обескровленном лице
и в безутешном
материнском взоре...
И крик ее страшный мне в спину,
Мне в сердце вошел, как кинжал!..*

Ярко вырисован в поэме образ мальчика-почтальона, для которого вручение похоронки, извещение о трагической гибели солдата каждый раз сопровождается нестерпимой болью:

*О черная, о горестная сумка!
О как ремень твой давит мне плечо...*

«Перед нами вырисовывается полный печали портрет героя, утратившего «детскость» под натиском тяжелых жизненных обстоятельств» [1, с. 85].

(Есть произведения, в которых «ретроспектива событий Второй мировой войны подается глазами ребенка» [Там же. С. 8]. В этом ряду – лиро-эпическая поэма К. Отарова «Таулу жашчыкъ» («Мальчик-горец», 1942–1948).

«Сата» Б. Тхайцукова, «Похищенная смерть» М. Атабаева – печальный реквием погибшим. Отталкиваясь от художественной формы выражения народного горя, поэты достигают усиления антивоенного пафоса произведений. Мать здесь – земля, оплакивающая своих героев. Фольклорный жанр плача наполняется современным звучанием, насыщая лирический жанр новым психологическим содержанием.

Не менее символичны в поэме Б. Тхайцукова заключительные эпизоды, когда Сата сажает в честь погибших сыновей три вишневых дерева (у М. Атабаева, аналогично, – три тополя), у которых мечтает уже подросший четвертый сын Хасан (сын русской партизанки):

*Фруктовыми садами землю украсить,
Чтоб жизнь цвела, как вишневый сад.*

Образ деревца, олицетворяющего жизнь и судьбу сына или дочери, мы обнаруживаем и у балкарского поэта С. Гуртуева. Его поэма «Четыре яблони» – лирическое повествование о мирной жизни, извечном труде, прерванном грозным дыханием войны [8, с. 562].

*– Ты расти и цвети, деревцо,
Как растет человек,
Что вот-вот сам взойдет на крыльцо,
К свету солнца тянись –*

Пусть лучом обласкает своим!.. – говорил Солтанбек, главный герой поэмы, сажая деревце в честь первенца своего, не ведая, что

*... рядом – война,
Что она свою злость
Грозно копит в недалекой дали,
Вот последнюю горсть
Уложив драгоценной земли.*

Начало войны в поэме (3 часть, 22 июня) предвосхищает тревожное «завывание» стихии, усиливая трагизм времени, укрепляя эмоциональный стержень произведения.

*...Заря застывает,
Окаменевает...
В гнездовье сова перепуганно прячется глубже,
И с яблони цвет молодой обрывается тут же,
И закукарекав, петух, вслед неслышному грому,
Взлетает на жердь, повернувшись к хозяйскому дому,
И хлопает крыльями шумно, как будто не может
Стряхнуть с себя то, что его и тревожит, и гложет.*

Поэма С. Гуртуева – лирико-философская поэма. В ней много символов, сравнений, метафор. Наличие «плохих примет» («в дом хотела бежать Курманкыз, но ослушались ноги», «подгорала еда, не лежали на месте предметы»), введение в строительный материал песен («Песенка яблони Салима», «Песенка яблони Салиха», «Песенка яблони Светланы», «Песенка яблони Азрета») приближают ее к фольклорно-романтической поэме.

С годами утрачивается возможность конкретного изображения военной действительности и в оборот повествования начинают вовлекаться условные формы обобщения (символ, аллегория, метафора), способствующие более глубокому философскому осмыслению. «Начинался сложный драматический процесс перехода чисто эмоционального и иллюстративного изображения военной действительности – к ее анализу, к социально-историческому и философскому осмыслению» [6, с. 143]. Такого рода новизна образного мышления с наибольшей силой проявилась в поэнном жанре, преимущественно в героико-биографических поэмах и поэмах-посвящениях. В них нет биографии героя и «биографии» подвига; цель их, по словам А. Жакова, не в том, чтобы «внести имена героев в табель о рангах, а показать силу духа и красоты человеческой» [Там же. С. 49]. Образцом поэм-посвящений в современной поэзии являются «Человек» В. Туркина, «В полный рост» Е. Евтушенко, «Бессмертие» А. Софронова и др.

Памяти Героя Советского Союза Алима Байсултанова посвящена поэма балкарца С. Гуртуева «Алим». Не традиционно само построение поэмы. Знакомство с героем подается открытыми развернутыми диалогами:

– Ты кто, Алим?
– Матерей покой.
– Ты кто, Алим?
– Детский смех рекой.
– Ты кто, Алим?
– Нарисуй, мой друг,
мир, что светел вновь.
Я – тот свет вокруг,
в основанье – кровь ...

«Оставаясь «абсолютными» выразителями характера своего народа, – пишет относительно представителей дагестанской поэзии литературовед Ч. Юсупова, – поэты часто выходят за пределы национального и глубже проникаются чувствами общечеловеческими» [10, с. 116]. То же мы обнаруживаем в смысловой модели С. Гуртуева:

*Пусть родятся, родятся сыновья, сыновья,
Чтобы мир сохранялся, не взрывалась земля!
Пусть навстречу всем бедам встанут – бедам не быть!
Словно горы, что могут путь ветрам преградить.*

«Горная» символика, вобравшая в себя мужество и стойкость вековых скал – показатель преемственности традиционных воззрений. Наряду с другими этническими реликтами – *камнем, деревом, рекой* данная символика широко используется в творчестве национальных авторов, представляя в каждом случае оригинальную, основанную на органичной связи индивидуального и общего (этно-эстетического) систему художественной условности.

Резюмируя вышесказанное можно констатировать, что поэзия послевоенного периода, по справедливому утверждению А. Жакова, «навсегда утратила неповторимые качества поэзии военного времени, но обрела большую глубину психологизма, значительность философских раздумий над событиями прошлого» [3, с. 92]. Новшеством явилось введение фольклорных элементов – плачей (у Б. Тхайцукова, М. Атабиева), контрастирующих средств (изображение красоты и гармонии природы и разрушительных сил войны), развитое ассоциативное мышление. Тема памяти становится ведущей в творчестве поэтов [9, с. 88].

Таким образом, в северокавказской литературе отчетливо проявились две тенденции отражения военной действительности: натуралистическое описание (изображение в крови, страданиях, агитки и обращения) и осмысление трагики войны с позиции историзма и императивного знания. Стремление к синтезу настоящего и прошлого – область новаторских исканий современной поэзии. Мотив преемственности нравственно-этических традиций приобретает в поэме философскую насыщенность, являясь свидетельством исторической глубины осмысления действительности. Поэмы, преимущественно лирические, выражают мысль, чувства героев в виде монологов, обращенных к миру, к человеку, размышлений автора о жизни, о судьбе. Отсюда – внутрижанровые образования: лирико-философская поэма, лирико-публицистическая поэма, лирико-драматическая поэма.

Список литературы

1. Атабиева А.Д. Эволюция балкарской детской литературы (проблемы жанрового развития). Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2008. 180 с.
2. Ахмедова Р.А. Жанр поэмы в советской кумыкской литературе: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1988. 155 с.
3. Жаков Л.Г. Современная советская поэма. Минск: Изд-во БГУ, 1981. 296 с.
4. Канаметова Е.Н. Нравственно-философские проблемы в кабардинской поэзии о Великой Отечественной войне. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2013. 148 с.
5. Кетенчиев М.Б. Функционально-семантический потенциал образцов в поэзии К. Мечиева // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. 2012. Т. II. № 3. С. 101–103.
6. Теппеев А.М. Поэзия // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 92–114.
7. Тугов В.Б, Бекизова Л.А. Литература абазин // Сб. трудов Карачаево-Черкесского науч.-иссл. ин-та. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во, 1965. С. 58–74.
8. Узденова Ф.Т. Поэма в литературах народов Северного Кавказа. Формирование парадигмы жанра. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. 124 с.
9. Узденова Ф.Т. Салих Гуртуев // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. С. 560–568.
10. Юсупова Ч.С. Поэзия // Дагестанская литература: закономерности развития (1965–1985). Махачкала: ДМЦ РАН, 1999. С. 10–176.

References

1. Atabiyeva A.D. *Evolutsiya balkarskoj detskoj literatury (prodlem ganrovogo razvitiya)* [Evolution of Balkarian children's literature (problems of genre development)]. Nalchik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2008. 180 p.
2. Ahmedova R.A. *Ganr poemy v sovetskoj kumikskoj literature* [The genre of the poem in the Soviet Kumyk literature]: dis. ... cand. philol. nauk. Makhachkala, 1988. 155 p.

3. Zhakov L.G. *Sovremennaya sovetskaya pojema* [The modern Soviet poem]. Minsk: Izd-vo BGU, 1981. 296 p.
4. Kanametova E.N. *Nravstvenno-filosofskie problem v kabardinskoj poezii o Belikoj Otechestvennoj vojne* [Moral and philosophical problems in Kabardian poetry about the Great Patriotic War]. Nalchik: Izdatel'skij otdel KBIGI RAN, 2013. 148 p.
5. Ketenchiev M.B. Funkcijnalno-semanticheskij potencial obrashenij v poezii K. Mechieva [Functional-semantic potential of appeals in the poetry of K. Mechiev]. *Izvestija Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012, no 3. V. 2: 101–103.
6. Teppeev A.M. *Pojeziya* [Poetry]. Oчерки istorii balkarskoj literatury. Nalchik: Elbrus, 1981: 92–114.
7. Tugov V.B., Bekizova L.A. *Literatura abazin* [Literature abazin]. Sb. trudov Karachaevo-Cherkesskogo nauch.-issl. in-ta. Institute. Cherkessk: Stavrop. knizh. izd-vo, 1965: 58–74.
8. Uzdenova F.T. *Pojema v literaturah narodov Severnogo Kavkaza. Formirovanie paradigmy ganra* [Poem in the literature of the peoples of the North Caucasus. Formation of the paradigm of the genre]. Nalchik: Polygraphservice and T, 2001. 124 p.
9. Uzdenova F.T. *Salih Gurtuyev* [Salikh Gurtuev]. Essays on the history of Balkarian literature. Nalchik: Respublikanskij poligrafkombinat im. Revoljucii 1905, 2010: 560–568.
10. Yusupova Ch.S. *Pojeziya* [Poetry]. Dagestanskaja literatura: zakonovernosti razvitija (1965–1985). Makhachkala: DMC RAS, 1999: 10–176.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Узденова Фатима Таулановна, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы, кандидат филологических наук

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН) ул. Балкарова, 2, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республи-

*ка, 360002, Российская Федерация
uzdenova_kbigi@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Uzdenova Fatima Taulanovna, Senior Staff Scientist of the Sector of Karachay-Balkar Literature, Ph. D. in Philology
The Institute for the humanities research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center “Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”
2, Balkarova Str., Nalchik, Kabardino-Balkaria, 360002, Russian Federation
uzdenova_kbigi@mail.ru
SPIN-code: 1956-8363
ORCID: 0000-0002-5378-9514

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-3-84-94

УДК 82 - 36

**НОВЕЛЛИСТИКА ЛУИСА СЕПУЛЬВЕДЫ:
НЕОБАРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ***Хорева Л.Г.*

Цель. В представленной работе анализируются новеллы чилийского писателя Луиса Сепульведы с точки зрения их принадлежности к необарокко. Целью работы является выявление необарочных принципов в произведениях Л. Сепульведы.

Метод исследования. Для исследования короткой прозы Л. Сепульведы был применен компаративный анализ, что позволило выявить общие принципы и установки, свойственные необарочным произведениям.

Результаты. В ходе проведенного анализа короткой прозы Л. Сепульведы были выявлены принципы, характерные для необарочной литературы: ритмические повторы, ведущие к наращиванию новых смыслов; эстетика избыточности; акцентирование внимания на фрагментах и деталях; культ хаотичности и беспорядка; диалогичность.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены для изучения стереотипов латиноамериканского художественного мышления, отражением которого является литературная практика.

Ключевые слова: Луис Сепульведа; латиноамериканская литература; необарокко; картина мира; диалогичность; нарративные стратегии; притча; анекдот.

**SHORT FICTION BY LUIS SEPULVEDA:
NEO-BAROQUE TENDENCIES***Khoreva L.G.*

Purpose. The work deals with short prose by Luis Sepulveda as an example of neo-baroque literature. The main purpose of the work is

topic establishment of neo-baroque strategies in the short stories by L. Sepulveda.

The main research method is the comparative one. *The analysis of the short stories by L. Sepulveda is dedicated to showing up of neo-baroque strategies.*

Results. *The main strategies of neo-baroque literature were found, such as rhythmic repetition and reduplication that lead to forming new implications, focus on a peculiarities, cult of chaos and disorder, dialogical structure.*

Scope of application of the results. *The results of the study can be used to research of Latin American mindsets in the literature.*

Keywords: *Luis Sepulveda; Latin American literature; neo-baroque; view of the world; dialogic principle; narrative strategies; parabola; anecdote.*

Луис Сепульведа – чилийский писатель, журналист, сценарист, борец за права человека – сегодня широко известен за пределами латиноамериканского континента. Его романы неоднократно становились лауреатами национальных и международных премий. В отличие от крупной формы, рассказы и новеллы Л. Сепульведы практически не удостоились внимания отечественных критиков литературы, хотя представляют не меньший интерес для исследователей. В данной статье мы восполним эту лакуну.

Как и все латиноамериканские писатели XX и XXI вв., Л. Сепульведа находится под влиянием латиноамериканской картины мира, которая подразумевает наличие мифологических моделей мышления, связанных между собой и образующих единую систему. С.С. Аверинцев убедительно доказал, что культура мысли порождает определенную культуру слова, существующие литературные практики детерминированы риторической рефлексией [1]. Художественный код латиноамериканской картины мира подтверждает это открытие [6]. Литература и, шире, культура Латинской Америки является барочной по своей природе. Со времени его открытия европейцами латиноамериканский континент превратился в бурлящий

котел, в котором продолжают плавиться индейские, африканские и европейские культуры, образуя уникальный конструкт, внутри которого сосуществуют и уживаются разные картины мира. Обширная и разветвлённая сеть мифологем и художественных констант мира становится визитной карточкой латиноамериканской литературы в целом и чилийской литературы в частности. Подобная ситуация далеко не нова и уже существовала в европейской культуре в XVI–XVII вв., ознаменовав новый поворот духовных процессов в странах Европы, прежде всего в Испании, появление новых образов (маски, марионетки, куклы, зеркала, карнавала), формирование новой литературной системы [2, 3, 10].

Открытие Нового Света в значительной степени способствовало укреплению позиций барокко в мировой культуре. В романе А. Карпентьера «Арфа и тень» [5] есть эпизод, когда Христофор Колумб, впервые ступив на новую землю, пытается дать названия всему увиденному, но тут же оказывается в затруднительной ситуации, видя впервые представителей латиноамериканской флоры и фауны, и потому решает дать им названия по аналогии с европейскими животными и растениями. Так, ягуары получают имя тигров, а лама становится испанским верблюдом. По мысли знаменитого кубинского писателя А. Карпентьера, так впервые заявляет о себе новый метод художественного освоения нового пространства через ее метафоризацию, в основу которой ложится диалог культур [4, с. 59].

В середине XX в. барокко переживает второе рождение, что было продиктовано вполне объективными причинами, а именно: найти новые способы выразительности. Поэтика барокко стала идеальной объектом для изучения, поскольку в XVII в. именно барочное направление в литературе выявило теснейшую связь литературы и риторики, именно барочная культура ввела в широкий оборот так называемую теорию аффектов, разработанную еще Аристотелем в «Риторике», назначением которой является возбуждение определенных реакций у слушателя/читателя/зрителя [7].

В XX в. остро встает вопрос об актуализации теории аффектов, поскольку люди по-иному стали воспринимать окружающее про-

странство и свое место в нем. Если тексты XVII в. наполнены метафорами и другими риторическими цветами, соединяющими воедино несколько смысловых пластов, то в новейшее время обилие риторических фигур становится некоторым диссонансом, вызывающим у читателей стойкое ощущение искусственности [11, с. 328].

Снять эту искусственность было призвано необарокко, основные принципы которого были разработаны О. Калабрезе, другом и соратником У. Эко по университету в г. Болонье. В своей книге «Необарокко: знак времен» он рассуждает о поэтике современной литературы и выделяет ее основные принципы, связанные с неориторикой, среди которых выделяются следующие:

- Принцип повторений
- Принцип избыточности
- Принцип доминирования фрагментарности над целым
- Принцип хаоса
- Диалогичность
- Перенос акцентов с внешнего описания на внутренний мир героев [12, с. 95].

Рассмотрим короткую прозу Л. Сепульведы в свете заявленных О. Калабрезе принципов.

Принцип повторений, неразрывно связанный с диалогичностью, красной нитью проходит во всех текстах чилийского писателя, причем повторы присутствуют на всех уровнях текста: лексические и синтаксические, сюжетные и композиционные. Бесчисленные повторы вопросов и ответов создают новый пласт повествования, ломающие в итоге жанровое ожидание слушателей. Эта эстетика особенно ярко проявляется в новелле «Роланд – бар». Текст как будто соткан из ряда мелких деталей и фрагментов, каждый из которых начинает дублировать предыдущий в плане того, что начинает свое повествование с той же самой точки отсчета. Только собрав воедино все фрагменты, мы получаем в итоге целостную картину происшествия. Эстетика повторов здесь уживается и сосуществует с другими принципами необарокко: фрагментарностью повествования, хаотичностью картины мира и диалогичностью.

Последний принцип является сюжетообразующим в новеллах «Последний факир», «Роланд – бар», «Когда негде выплакаться» и в ряде других [13]. Тексты построены на диалоге персонажей, неизменно возвращающихся к главной мысли разговора. В «Последнем факире» диалогичность ложится в основу сюжетно-композиционной структуры всего произведения. Несмотря на то, что главный герой произносит монолог, обращаясь к своему другу, мы вправе рассматривать его как часть диалога, поскольку вторая сторона незримо присутствует в разговоре. Яростные нападки главного героя на своего друга, стремление во что бы то ни стало убедить его, что именно благодаря ему тот стал знаменитым факиром, убеждают в этом и читателя. Тем более неожиданной становится развязка, из которой мы узнаем, что, что факир – друг главного героя – погиб в результате неудачного фокуса. Рваный, нерегулярный ритм повторов придает теперь иную тональность всему тексту в целом. Речь героя в конце повествования выглядит теперь не столько как обвинение своего друга в неблагодарности, сколько как внутренняя растерянность и стремление убедить самого себя в собственной невинности в смерти своего друга. Подобная поэтика – частое повторение одного мотива или элемента с последующим его ниспровержением – является визитной карточкой не только новейшей латиноамериканской литературы, но и русской. Подобный принцип лежит в основе поэтических систем М. Кабирова, Л. Рубинштейна, в прозаических произведениях принцип повтора становится композиционной доминантой произведений В. Ерофеева и В. Пелевина.

Принцип повторов также тесно связан с понятием мифа, с его слоистой структурой и его предрасположенностью к повторениям. К. Леви-Стросс, рассуждая о функции мифа, подчеркивал, что тот будет неизменно повторяться в разных ипостасях до тех пор, пока не истощится интеллектуальный импульс, породивший этот миф [9, с. 112].

С принципом повторов также неразрывно связан такой прием как акцентирование избыточности, гиперболизация при описании внешности человека или какого-либо события. Прием также далеко

не новый для литературы Латинской Америки. Достаточно вспомнить романы Г. Гарсиа Маркеса, М. Варгаса Льосы, Х. Кортасара и других.

Поток не сознания, а подсознания, оборачивающийся устрашающей картиной видений человеческого тела, можно увидеть в новелле «Когда негде выплакаться». Главный герой, рассуждая о тяжелых моментах в жизни каждого человека, сообщает о собственном опыте их переживания и преодоления. Описание внешности Антони, безобразной и отталкивающей, вызывающей невероятное отвращение мужчин, помимо эстетики избыточности демонстрирует также эстетику телесности и эстетику отвратительного, которое в итоге парадоксальным образом оборачивается спасением для каждого пришедшего.

Новелла «В другом направлении» разрабатывает другую необарочную тему – «Memento mori» («Помни о смерти»). Обычное путешествие на поезде из одного города в другой оборачивается крушением и гибелью немногочисленных пассажиров поезда, хотя сами они об этом узнают лишь на следующий день из сообщения по радио. Данный сюжет демонстрирует симулятивность культуры барокко, которая в массовом сознании связана с вытеснением смерти в сферу бессознательного и борьбой с экзистенциальным страхом смерти. Барочные символы театральности жизни применимы также и к смерти, которая лишена в данной новелле какого-либо пафоса, приобретает черты обыденности, мало чем отличающейся от обычного состояния человека и еще раз подчеркивает эфемерность жизни в лучших барочных традициях.

Новелла «Дом в Сантьяго» также буквально пропитана эстетикой необарокко, акцентируя внимание читателей на таком непривычном барочном атрибуте как лабиринт (ризомы). Главный герой новеллы на одной из вечеринок знакомится с девушкой и влюбляется в нее. Она назначает ему свидание в этом же доме через неделю. Проходит семь дней, молодой человек приходит на указанное место, но дома там нет. Вместо знакомой улицы он оказывается в совершенно незнакомом переулке. Все попытки найти нужную ули-

цу и нужный дом заканчиваются неудачей ни в этот раз, ни в последующий, хотя друзья главного героя без труда находят то, что он ищет, и откровенно не понимают его проблему. Лишь спустя много лет, оказавшись на фотовыставке в другой стране, главный герой на одной из фотографий видит знакомый дом и понимает, что он действительно существовал и, возможно, существует до сих пор. Помимо принципа лабиринта, здесь проходят также такие необарочные атрибуты, как мироощущение (преобладание меланхолии, сравнение жизни со сном и со смертью); восприятие вещи как знака; внимание к детали и превалирование последней над целостной картиной; организация самого текста по принципу лабиринта; принцип хаотичности – невозможность найти дом приводит к полному хаосу в жизни главного героя и его семьи.

Новелла «О том, что я потерял в поезде» комбинирует в себе все вышеперечисленные признаки необарокко и добавляет еще один – перенос акцентов на внутренний мир героев. О. Калабрезе считал последний принцип главным отличительным признаком необарокко, отличающим его от барокко, которое в подавляющем большинстве случаев делает ставку на внешнюю составляющую (одежду, костюмы, маски, поведение) [12]. Сюжет новеллы довольно прост. Подросток вместе с отцом едет в гости к друзьям отца. Их соседями по купе поезда становятся арестант и сопровождающий его полицейский. Немногословный диалог арестанта и подростка, прерванный полицейским, слова отца о контрабандистах вызывают в душе мальчика настоящую бурю. В его глазах арестант становится благородным разбойником и подросток к концу путешествия готов бросить свою сытую, благополучную жизнь с родителями, свое уже предопределенное будущее ресторатора ради того, чтобы уйти с арестантом и его товарищами в неизвестные дали. Надежды мальчика на освобождение арестованного его товарищами, другими разбойниками, не оправдываются, и первые часы, когда он вынужден сойти с поезда вместе с отцом и распрощаться со своим уже таким желанным будущим, оборачиваются для него психологической травмой. Образ монструозной личности становится определяющей

как для необарочного, так и постмодернистского дискурса и раскрывает диссонанс между внешним благополучием семьи и внутренним нежеланием подростка принимать заданные ему правила игры. Однако в самом конце бури, бушевавшая в душе мальчика против родителей, внезапно меняет направление, и в последний момент он признается отцу, что видел, как арестант прячет нож в рукаве. Отец сообщает об этом в полицию. История навсегда остается в душе мальчика, который познает самого себя в случившемся и понимает, что он перешел на другую сторону баррикад и никогда не будет благородным разбойником.

Рассмотренные новеллы Л. Сепульведы показывают, что барочные атрибуты были и остаются визитной карточкой литературы Латинской Америки, определяя ее поэтику, сюжеты, темы, мотивы, а также жанровую природу.

Метафоризация, то есть перенесение признаков одного понятия на другое, заставляет многие произведения рассматривать как притчи. К таковым новеллам, имеющим притчевую природу, мы можем отнести «В другом направлении», «Последний факир». Другие, упомянутые в этой статье, имеют анекдотическую природу, рассматривая происшествие как уникальное, курьезное, но вполне реальное, имеющее место в повседневной жизни. Предельный лаконизм, сосредоточенность на одной ситуации, которая переосмысливается посредством резкой смены точки зрения (пуанта), задают определенный эмоциональный вектор. По словам Е. Курганова, анекдот постоянно экспериментирует; этот жанр, который никогда не стоит на месте, изобретает каждый раз новые средства создания мощного эффекта столкновения разных точек зрения, рисует новую картину из представленных фрагментов и деталей, продолжая, таким образом, барочную линию [8, с. 57]. Учитывая тот факт, что анекдот является протоновеллой по своей структуре, ничего удивительного в том, что новеллы Л. Сепульведы являются по факту литературными анекдотами, по нашему мнению, нет. Е. Курганов неоднократно называл анекдот «жанром-бродягой, готовым приткнуться везде, где есть крыша

над головой» [Там же, с. 43]. Суммируя все вышесказанное, мы можем констатировать, что короткая проза чилийского писателя Л. Сепульведы продолжает развивать необарочную линию в латиноамериканской литературе как на сюжетно-композиционном, так и на жанровом уровне, заимствуя барочную выразительность и используя необарочные эстетики повторения, избыточности, внимание к деталям, принципы диалогичности и хаотичности.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Риторика и история европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. 446 с.
2. Виппер Ю.Б. Творческие судьбы и история. О западноевропейских литературах XVI, первой половины XIX века. М.: Художественная литература, 1990. 320 с.
3. Виппер Ю.Б. О «Семнадцатом веке» как особой эпохе в истории западноевропейских литератур // XVII век в мировом литературном развитии. М.: Наука, 1969. С. 11–60.
4. Земсков В.Б. Всемирный концерт барокко // Латинская Америка: Лит. альманах. / Сост. Э. Брагинской, В. Земскова. М.: Худож. лит., 1983. Вып. 1. С. 58–64.
5. Карпентьер А. Арфа и тень. М.: Радуга, 1988. 576 с.
6. Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997. 320 с.
7. Кривцун О.А. Стиль как духовно-психологический горизонт исторической эпохи. Стиль барокко. «Чувство жизни барокко». «Человек барокко» // Психология искусства. М.: Изд. Литературного института им. А.М. Горького, 2000. 224 с.
8. Курганов Е. Анекдот как жанр русской словесности. М.: ArsisBooks, 2015. 264 с.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
10. Хайт В.Л. Барокко и барочность в европейской культуре XVII–XVIII веков // Барокко в России. М.: Государственный Институт искусствознания, 1994. 240 с.

11. Чечот И.Д. Барокко как культурологическое понятие. Опыт исследования К. Гурлита // Барокко в славянских культурах. М.: Наука, 1982. С. 326–348.
12. Calabrese O. *La Era Neobarroca (Signo E Imagen)*. Madrid: Cátedra, 1989. 216 p.
13. Sepúlveda L. *Desencuentros*. Tusquets, 2002. 248 p.

References

1. Averincev S.S. *Ritorika i istoriya evropejskoj literaturnoj tradicii* [Rhetoric and History of the European Literary Tradition]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1996. 446 p.
2. Vipper Yu.B. *Tvorcheskie sud'by i istoriya. O zapadnoevropejskih literaturah XVI pervoj poloviny XIX veka* [Legacy and history. On the Western European literatures of the XVI and first half of XIX century]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1990. 320 p.
3. Vipper Yu.B. *O «Semnadcatom veke» kak obojoj epohe v istorii zapadnoevropejskih literatur* [On XVII Century as a Special Era in the History of Western European Literatures]. XVII vek v mirovom literaturnom razvitii. Moscow: Nauka, 1969, pp. 11–60.
4. Zemskov V.B. *Vsemirnyj koncert barokko* [Baroque World Concert], Latinskaya Amerika: Lit. al'manah. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1983. Vyp. 1, pp. 58–64.
5. Carpentier A. *Arfa i ten'* [The Harp and the Shadow]. Moscow: Raduga, 1988. 576 p.
6. Kofman A.F. *Latinoamerikanskij hudozhestvennyj obraz mira* [The World Picture of Latin America]. Moscow: Nasledie, 1997. 320 p.
7. Krivcun O.A. *Stil' kak duhovno-psihologicheskij gorizont istoricheskoy ehpoi. Stil' barokko. «Chuvstvo zhizni barokko». «Chelovek barokko»* [Style as a Spiritual and Psychological Horizon of a Historical Era. Baroque Style. 'Feeling of baroque life'. 'Baroque Person']. Psihologiya iskusstva. Moscow: Izdatelstvo Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo, 2000. 224 p.
8. Kurganov E. *Anekdot kak zhanr russkoj slovesnosti* [Anecdote as a Russian Literature Genre]. Moscow: ArsisBooks, 2015. 264 p.

9. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya* [The Structural Anthropology]. Moscow: EHKSMO-Press, 2001. 512 p.
10. Hajt V.L. *Barokko i barochnost' v evropejskoj kul'ture XVII–XVIII vekov* [Baroque and Baroque Characteristics in the European Culture of XVII–XVIII centuries]. Barokko v Rossii. Moscow: Gosudarstvennyj Institut iskusstvovnaniya, 1994. 240 p.
11. Chechot I.D. *Barokko kak kul'turologicheskoe ponyatie. Opyt issledovaniya K. Gurlita* [Baroque as a Culturological Concept. Research Experience of K. Gurlitt], Barokko v slavyanskikh kul'turah. Moscow: Nauka, 1982. 328 p.
12. Calabrese O. *La Era Neobarroca (Signo E Imagen)*. Madrid: Cátedra, 1989. 216 p.
13. Sepúlveda L. *Desencuentros*. Tusquets, 2002. 248 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Хорева Лариса Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института филологии и истории.

*Российский государственный гуманитарный университет
Миусская площадь, 6, г. Москва, 125993, Российская Федерация
Novella2000@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Khoreva Larisa Georgievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

*Russian State University for the Humanities
6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation
Novella2000@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3858-3091
SPIN-code: 1043-0544*

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ SCIENTIFIC REVIEWS AND REPORTS

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-3-95-104

УДК 3.39

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ФОЛЬКЛОРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Сиражитдинова Н.М.

В Республике Башкортостан, помимо коренного народа – башкир, насчитывается свыше 100 народностей, переселившиеся на современную территорию в разное время. По переписи 2010 г. численность белорусов, марийцев, мордва, русских, татар, удмуртов, украинцев и чувашей превышает 10 тыс. человек. Из славянских народов численность русских составила 1432906, украинцев – 39875, белорусов – 11680, поляков 504 человека. Переселившиеся народы сохранили традиционный фольклор своих предков, который на новой территории наполняется локальными особенностями.

В 2020 г. в Республике Башкортостан будет проходить Всемирная Фольклориада, в рамках подготовки к которой в Государственном автономном учреждении науки «Башкирская энциклопедия» ведётся работа по теме «Разработка научно-методических основ и подготовка энциклопедии “Фольклор народов Башкортостана”». Накопленный методический опыт в организации диктует необходимость концентрации наработанных научных знаний по тематике в целях наиболее полного изучения темы и выработки критериев включения статей в энциклопедию. Поэтому в данной работе проводится историографический обзор научных трудов по фольклору славянских народов на территории Республики Башкортостан, определяются основные тенденции исследований, ведущие учёные-исследователи славянского фольклора Башкортостана, а

также проводится обзор некоторых особенностей методологии изучения регионального фольклора.

Цель. Обзор научных трудов по славянскому фольклору в Республике Башкортостан и обобщение основных итогов исследований по теме для дальнейшей выработки критериев включения статей в энциклопедическое издание.

Метод или методология проведения работы. Научно-практическую методологию определяют методы историко-сравнительного, системного анализа материала.

Результаты. Концентрация и научное обобщение региональной фольклорной информации наработанных научных знаний по тематике для наиболее полного изучения заявленной темы и выработки критериев включения статей в энциклопедию.

Область применения результатов. Результаты исследования будут применены в энциклопедии «Фольклор народов Башкортостана», которая будет служить источником для дальнейших исследований и использоваться для презентации современного состояния фольклора региона во время проведения Всемирной Фольклориады в 2020 г. в Башкортостане.

Ключевые слова: «Башкирская энциклопедия»; Всемирная Фольклориада; народы Башкортостана; региональный фольклор; фольклористика; фольклор славян; энциклопедия «Фольклор народов Башкортостана».

HISTORIOGRAPHIC REVIEW OF THE SLAVIC PEOPLES FOLKLORE RESEARCH IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Sirazhitdinova N.M.

In the Republic of Bashkortostan, besides the indigenous people of the Bashkirs, there are over 100 other different nationalities, who moved to the modern territory at different times. According to the 2010 census, the number of the Belarussians, Mari, Mordvins, Russians, Tatars,

Udmurts, Ukrainians and Chuvash is 10000 people. Among the Slavic peoples, the Russians are 1432906, the Ukrainians – 39875, the Belarussians – 11680, the Polish – 504. The resettled peoples preserved the traditional folklore of their ancestors, which was then mixed with local specific features in the new territory.

In 2020, the World Folkloriade will be held in the Republic of Bashkortostan, a part of preparation for that being Bashkir Encyclopedia, the State Autonomous Institution of Science, working on “Development of scientific and methodological foundations and preparation of the encyclopedia “Folklore of the peoples of Bashkortostan”. The current accumulated methodological experience in the organization determines the need to concentrate the accumulated scientific knowledge on the subject in order thoroughly study the topic and develop criteria for the inclusion of articles in the encyclopedia. The paper provides a historiographical review of scientific works on the folklore of Slavic peoples in the territory of the Republic of Bashkortostan; it also identifies the main research trends, the leading scholars and researchers of Slavic folklore of Bashkortostan, as well as it reviews some of the methodology features of studying regional folklore.

Purpose. *To review certain scientific works on Slavic folklore in the Republic of Bashkortostan and summarize the main results of research on the topic for further development of articles inclusion criteria in the encyclopedic edition.*

Methodology. *Scientific and practical methodology is determined by the methods of historical and comparative and systemic analysis of the material.*

Results. *Concentration and scientific generalization of regional folklore information of the acquired scientific knowledge on the subject for the most complete study of the declared topic and development of criteria for inclusion of articles in the encyclopedia.*

Practical implications. *The results of the study will be used in the Folklore of the peoples of Bashkortostan encyclopedia that will serve as a source for further research and will be used to present the current state of folklore of the region during the World Folkloriade in 2020 in Bashkortostan.*

Keywords: *World folklore; Folklore of the peoples of Bashkortostan encyclopedia; Bashkir encyclopedia; folklore of the Slavs; folklore studies, regional folklore; peoples of Bashkortostan.*

Актуальность темы статьи обусловлена подготовкой предстоящей в 2020 г. VI Всемирной фольклориады в Российской Федерации, которая будет проходить в соответствии с решением 45-го Всемирного конгресса и Генеральной Ассамблеи Международного совета организации фольклорных фестивалей и традиционных искусств (CIOFF). В рамках подготовки к мероприятию Государственным автономным учреждением науки РБ «Башкирская энциклопедия» начата работа по созданию энциклопедии. Накопленный методический опыт в организации [15 и др.] диктует необходимость концентрации наработанных научных знаний по тематике в целях наиболее полного изучения темы и выработки критериев включения статей в энциклопедию.

Республика Башкортостан представляет многонациональный регион России. Началом массовой миграции народов на территорию Урала в основном определяют вторую половину 16 в., затем период насильственной христианизации и 18–19 вв., когда в «Башкортостан массово переселяются русские, чувашы, татары, марийцы, мордва, удмурты. В 19 – нач. 20 в. к ним присоединились белорусы, казахи, латыши, немцы, поляки, украинцы, эстонцы, в городах – евреи и др.» [15, с. 20].

Между тем, одной из актуальных задач современной фольклористики является изучение локального фольклора регионов. Так, вопросы методологии по исследованию регионального русского фольклора рассматривались А.И. Лазаревым, который предлагает разграничить понятия «областного фольклор» и «местный фольклор»; выделяет около 20 областных фольклорных центров и отдельно упоминает Уральский регион [12, с. 40–41]. Б.Н. Путилов говоря о фольклорных традициях, отмечает важность исторических особенностей формирования русской нации и актуальность методологических вопросов исследования фольклора народа, историческую преемственность фольклора в «позднерусских» регионах, к которым автор относит Сибирь, Урал, казачий Юг [17, с. 149–153]. Интересный под-

ход статистической обработки фольклорных сюжетов представлена Ю.Е. Березкиным [1, с. 9–24]. Вопросы методологии исследований, сбора регионального фольклора и др. обсуждаются на научных конференциях, семинарах, региональных форумах [18, и др.].

Учеными по сбору и изучению славянского, межэтнического фольклора накоплен определенный опыт. В принятой Программе по изучению, возрождению и развитию фольклора народов Республики Башкортостан, инициатором и составителем которой был А.М. Сулейманов [16], даётся краткий обзор изучения фольклора народов, проживающих на территории Башкортостана. Собираание фольклора русского народа началось в середине 19 в. Однако систематическое изучение началось с научной экспедиции 1938 г., руководителем которой была Н.П. Колпакова, о деятельности и её вкладе в изучение фольклора русских Башкортостана пишет Ф.Г. Галиева [1, с. 237–250]. Результаты данной экспедиции опубликованы в книге «Русское устное народное творчество в Башкирии» (Уфа, 1957). По мнению Ф.Г. Галиевой, взаимовлияние русско-украинского, украинско-русского фольклора и других национальностей является отличительной характеристикой регионального фольклора [6, с. 121]. Исследователь несказочной прозы Башкортостана и Южного Урала Б.Г. Ахметшин также подчеркивает русско-башкирские и башкирско-русские взаимовлияния в записях легенд и преданий горнозаводского фольклора [2]. Значительный вклад в исследование темы внес Л.Г. Бараг. Среди множества трудов мы выделяем его как инициатора создания Указателя восточнославянских сказочных сюжетов [20], ответственного секретаря межвузовского научного сборника «Фольклор народов РСФСР» [21, с. 66], который в 1997–2006 гг. редактировала Л.И. Брянцева [5]. И.Е. Карпухин при проведении фольклорных экспедиций по Башкортостану обращает внимание на широкое распространение частушек на русском языке среди представителей нерусских национальностей и приходит к выводу о «... сформированности нового типа интернационального фольклора» [9, с. 19]. Г.Р. Хусаинова в статье «Башкирско-украинские связи и их отражение в фольклоре»

упоминает о деятельности украинских фольклористах-музыковедах Ф.Е. Козицком, М.Я. Береговском [23, с. 213]. Вклад в сбор русского фольклора региона внес также военный врач, писатель Г.П. Белорецкий (Ларионов) [4].

Среди новых исследований выделяются работы по календарно-обрядовому фольклору С.М. Моисеевой [13], С.М. Гареевой [7]; сопоставительные исследования [8, 10, 11, 22 и др.]. Фольклорный материал является и неотъемлемой частью также и в трудах этнографов В.Я. Бабенко [3 и др.], М.В. Мурзабулатова [14] и др.

В целом, ученые приходят к мнению, что изучение фольклора отдельного региона и разработка методических и методологических подходов до сих пор является актуальной. Анализ научных работ по данной тематике позволяет определить степень ее изученности и выявить малоизученные аспекты региональной фольклористики. Учёными детально изучен горнозаводской, песенный, детский фольклор русских и украинцев; требует дальнейшего изучения фольклор белорусов, поляков Башкортостана. В контексте подготовки энциклопедии определён круг исследователей фольклора, авторов энциклопедических статей, персоналий для включения в издание.

Список литературы

1. Антропологический форум. 2016. № 31. URL: <http://anthropologie.kunst-kamera.ru/files/pdf/031> (дата обращения: 28.11.2018).
2. Ахметшин Б.Г. Горнозаводской фольклор Башкортостана и Урала. Уфа: Китап, 2001. 287 с.
3. Бабенко В.Я. Украинцы // Народы Башкортостана. Уфа: Гилем: Информреклама, 2002. С. 261–294.
4. Белорецкий Г. Избранное / Вступит. ст. А. Пряжкова. Уфа: Башкнигоиздат, 1958. 319 с.
5. Брянцева Л.И. Русская народная песенная традиция в современной Башкирии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 23 с.
6. Галиева Ф.Г. Переделки русских песен у народов Башкортостана // Фольклор и этнография: сб. науч. ст. / Отв. ред. А.К. Байбуурин, Т.Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 120–128.

7. Гареева С.М. Календарно-обрядовые традиции русских Башкортостана (конец XIX – начало XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2012. 31 с.
8. Имаева Г.З. Народная сказка и ее литературные переложения: на восточнославянском и тюркоязычном материале: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2010. 50 с.
9. Карпухин И.Е. Состояние русского детского фольклора в полиэтничном Башкортостане на стыке XX–XXI веков. Уфа: Гилем, 2018. 240 с.
10. Кульсарин Н.Г. Образ богатыря в русском и башкирском героическом эпосе: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2014. 190 с.
11. Кульсарина И.Г. Идейно-художественные функции башкирского обрядового фольклора в русской литературе XX века // Вестник Башкирского университета. Т. 15. Ч. 1. 2010. № 3. С. 928–930.
12. Лазарев А.И. Проблемы изучения областного фольклора // Вестник Челябинского университета. Филология. Серия 2. 1994. № 1. С. 35–44.
13. Моисеева С.М. Традиционный обрядовый фольклор русских горнозаводских сел Башкирии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 19 с.
14. Мурзабулатов М.В. Белорусы Башкортостана // Ватандаш. 2017. № 2 (245). С. 163–166.
15. Народы Башкортостана: энциклопедия / Гл. ред. Ф.Г. Хисамитдинова. Уфа: Башк. энцикл., 2014. 528 с.
16. Программа по изучению, возрождению и развитию фольклора народов Республики Башкортостан / Сост. А.М. Сулейманов. URL: <http://docs.cntd.ru/document/935107656> (дата обращения 24.12.2018).
17. Путилов Б.Н. Региональное/локальное начало в фольклоре // Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 238 с.
18. Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы // Сб. научных статей. Москва: Гос. респ. центр русского фольклора, 2015. 293 с.
19. Русское народное творчество в Башкирии / Сост. С.И. Минц, Н.С. Полищук, Э.В. Померанцева. Общая ред. и вступ. ст. Э.В. Померанцевой / Ответ. ред. А.Н. Киреев. Уфа: Башкнигоиздат, 1957. 328 с.

20. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 437 с.
21. «Фольклор народов России», Фольклор русских, Фольклор украинцев // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т. 7. Ф – Я / Гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа: Башк. энцикл., 2011. 664 с.
22. Хайрнурова Л.А. Традиционные формулы в фольклорном тексте: на материале русских и башкирских волшебных сказок: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2013. 23 с.
23. Хусаинова Г.Р. Башкирско-украинские связи и их отражение в фольклоре // Язык, литература и культура: актуальные проблемы изучения и преподавания: материалы III Всерос. научно-практической конференции. Уфа, 2013. С. 128–132.

References

1. *Antropologicheskiy forum* [Anthropological forum]. 2016. № 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/arhivnye-folklornye-materialy-natali-pavlovny-kolpakovoy-v-bashkirskoy-respublike>.
2. Akhmetshin B.G. *Gornozavodskoy fol'klor Bashkortostana i Urala* [Mining Folklore of Bashkortostan and the Urals]. Ufa: Kitap, 2001. 287 p.
3. Babenko V.Ya. *Ukraintsy* [The Ukrainians]. Narody Bashkortostana. Ufa: Gilem: Informreklama, 2002. P. 261-294.
4. Beloretskiy G. *Izbrannoe* [Selected Works]. Ufa: Bashknigoizdat, 1958. 319 p.
5. Bryantseva L.I. *Russkaya narodnaya pesennaya traditsiya v sovremennoy Bashkirii* [The Russian National Song Tradition in Modern Bashkiria]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1984. 23 p.
6. Galieva F.G. *Peredelki russkikh pesen u narodov Bashkortostana* [Alterations of the Russian Songs by the People of Bashkortostan]. Fol'klor i etnografiya: sb. nauch. st. SPb.: MAE` RAN, 2011, pp. 120–128.
7. Gareeva S.M. *Kalendarno-obryadovye traditsii russkikh Bashkortostana (konets XIX – nachalo XXI vv.)* [Calendar and Ceremonial Traditions of the Russians of Bashkortostan (the end of XIX – the beginning of the 21st centuries)]: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Izhevsk, 2012. 31 p.

8. Imaeva G.Z. *Narodnaya skazka i ee literaturnye perelozheniya: na vo-stochnoslavjanskom i tyurkoyazychnom materiale* [National Fairytale and its Literary Transversions: on the East Slavic and Turkic Material]: Avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Kazan', 2010. 50 p.
9. Karpukhin I.E. *Sostoyanie russkogo detskogo fol'klora v polietnichnom Bashkortostane na styke XX–XXI vekov* [Condition of the Russian Children's Folklore in Polyethnic Bashkortostan at the turn of the 20th-21st centuries]. Ufa: Gilem, 2018. 240 p.
10. Kul'sarin N.G. *Obraz bogaty'rya v russkom i bashkirskom geroicheskom epose* [The Concept of the Bogatyr in the Russian and Bashkir Heroic Epic]: Diss. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2014. 190 p.
11. Kul'sarina I.G. *Ideyno-khudozhestvennye funktsii bashkirskogo obryadovogo fol'klora v russkoy literature XX veka* [Ideological and Art Functions of the Bashkir Ceremonial Folklore in the Russian Literature of the XX century]. Vestnik Bashkirskogo universiteta. T.15. Ch. 1. 2010. № 3, pp. 928–930.
12. Lazarev A.I. *Problemy izucheniya oblastnogo fol'klora* [Problems of Studying Regional Folklore]. Vestnik Chelyabinskogo Universiteta. Filologiya. Seriya 2. 1994. №1, pp. 35–44.
13. Moiseeva S.M. Moiseeva S.M. *Traditsionnyy obryadovyy fol'klor russkikh gornozavodskikh sel Bashkirii* [Traditional Ceremonial Folklore of the Russian Mining Villages of Bashkiria]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2006. 19 p.
14. Murzabulatov M.V. *Belorusy Bashkortostana* [The Belarusians of Bashkortostan]. Vatandash. 2017. № 2 (245), pp. 163–166.
15. *Narody Bashkortostana: entsiklopediya* [The Peoples of Bashkortostan: encyclopedia]. Ufa: Bashk. entsikl., 2014. 528 p.
16. *Programma po izucheniyu, vozrozhdeniyu i razvitiyu fol'klora narodov Respubliki Bashkortostan* [Program for studying, revival and development of folklore of the peoples of the Republic of Bashkortostan]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/935107656>.
17. Putilov B.N. *Regional'noe/lokal'noe nachalo v fol'klоре* [The Regional/Local Foundations in Folklore]. Fol'klor i narodnaya kul'tura. SPb.: Nauka, 1994. 238 p.
18. *Regional'nye issledovaniya v fol'kloristike i etnolingvistike – problemy i perspektivy* [Regional researches in folklore studies and ethnolinguis-

- tics – problems and prospects]. Sb. nauchnykh statey. M.: Gos. resp. tsentr russkogo fol'klora, 2015. 293 p.
19. *Russkoe narodnoe tvorchestvo v Bashkirii* [The Russian Folk Art in Bashkiria]. Ufa: Bashknigoizdat, 1957. 328 p.
20. *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka* [Comparative Plot Index. East Slavic Fairytales]. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1979. 437 p.
21. *Fol'klor narodov Rossii, Fol'klor russkikh, Fol'klor ukraintsev* [Folklore of the peoples of Russia, Folklore of the Russians, Folklore of the Ukrainians]. Bashkirskaya entsiklopediya. V 7 t. T. 7. F – Ya. Ufa: Bashk. entsikl., 2011. 664 p.
22. Khayrnurova L.A. *Traditsionnye formuly v fol'klornom tekste: na materiale russkikh i bashkirskikh volshebnykh skazok* [Traditional Formulas in the Folklore Text: on the Material of the Russian and Bashkir Magic Fairytales]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2013. 23 p.
23. Khusainova G.R. *Bashkirsko-ukrainskie svyazi i ikh otrazhenie v fol'klore* [The Bashkir-Ukrainian Relations and their Reflection in Folklore]. Yazyk, literatura i kul'tura: aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya: materialy III Vseros. nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ufa, 2013, pp. 128–132.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Сиражитдинова Нафиса Миндияровна, научный редактор, кандидат филологических наук
Государственное автономное учреждение науки «Башкирская энциклопедия»
ул. Революционная, 55, г. Уфа, Россия, 450006, Республика Башкортостан, Российская Федерация
birusa-raf@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Sirazhitdinova Nafisa Mindiyarovna, Scientific Editor, Ph.D. in Philological Science
Public autonomous institution of science «Bashkir Encyclopedia»
55, Revolyutsionnaya St., Ufa, 450006, Republic of Bashkortostan, Russian Federation
birusa-raf@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

REFeree REPORTS

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-3-105-115

УДК 81'373.72

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

(Рецензия на книгу З.Б. Дзодзиковой «Ирон æвзаджы фразеологион цыбыр дзырдуат» («Краткий фразеологический словарь осетинского языка»). Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А.Ю., 2017. – 180 с.)

Моргоева Л.Б.

Цель. В рецензии на словарь, полностью составленный на осетинском языке, подчеркивается особая актуальность, острая необходимость в лексикографических работах различного типа, и поэтому своевременность его появления. Автор ставит целью дать объективную оценку структуре и содержанию данного словаря, необходимость в которой связана с повышенным вниманием к осетинскому языку в целом, и к семантике языковых единиц в частности.

Метод или методология проведения работы. Используются методы сравнительного и структурного анализа и обобщения.

Результаты. Отмечается широкий охват представленных языковых единиц, где нашли отражение все типы фразеологических оборотов, семантика которых раскрывается на обширном иллюстративном материале; прослеживается неразрывная связь многих из них с культурными представлениями осетин, фольклором и традиционной обрядностью, которая, в свою очередь, нуждается в особом представлении и развернутом толковании. Словарь представляет собой свод наиболее употребительных и распространенных устойчивых оборотов речи, который может стать внушительной основой при составлении большого фразеологического словаря осетинского языка с возможным выявлением этимологии

фразеоединиц, а также с частичным включением в состав словаря устойчивых конструкций из различных афористических жанров, которые в определенной мере претерпели фразеологизацию или послужили основой для образования собственно фразеологизмов, как в случае с «образными» частями некоторых осетинских речевых формул, свободно используемых в качестве самостоятельных фразеологизированных сочетаний.

Область применения результатов. *Результаты проведенного анализа могут быть учтены при составлении лингвистических словарей, при разработке концепций новых типов лексикографических сборников.*

Ключевые слова: *фразеологизм; лексика; семантика; лексикография; осетинский язык.*

ON THE LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF OSSETIAN LANGUAGE

(Review of “Iron ævzadzhy phraseology Tsybyr Dzyrduat”
by Z.B. Dzodzikova (“A brief phraseological dictionary
of the Ossetian language”))

Morgoeva L.B.

Purpose. *The review of the dictionary, fully compiled in the Ossetian language, emphasizes the special relevance, urgent need for various types of lexicographic works, and therefore timeliness of its appearance. The author aims to give an objective assessment of the structure and content of the dictionary, the need for which is associated with increased attention to the Ossetian language in general, and to the semantics of language units in particular.*

Methodology. *The methods of the comparative and structural analysis and generalization are used.*

Results. *There is a wide coverage of the presented language units, where all types of phraseological units are covered, their semantics being revealed on an extensive illustrative material; there is an inseparable connection between many of them and the cultural representations of the*

Ossetians, their folklore and traditional rituals, which, in turn, require special presentation and comprehensive interpretation. The peer-reviewed dictionary is a compilation of the most commonly used and stable speech units turns, which can become an impressive basis for compiling a large phraseological dictionary of the Ossetian language with the possible identification of the etymology of phrase-units, as well as partial inclusion of various aphoristic genres in the dictionary, which to some extent underwent phraseologization, or served as the basis for the formation of proper phraseological units, as in the case of the “figurative” parts of certain Ossetian speech formulas freely used as independent phraseological combinations.

Practical implications. *The results of the analysis can be taken into account when compiling linguistic dictionaries, as well as when developing concepts for new types of lexicographic collections.*

Keywords: *phraseology; vocabulary; semantics; lexicography; Ossetian language.*

Рецензируемый словарь, составленный доктором филологических наук, профессором кафедры осетинского языка и литературы СОГУ, Заидой Бахтынгереевой Дзодзиковой, является актуальной разработкой, своевременным и серьезным вкладом в осетинскую лексикографию и фразеологию. Необходимость в такого рода словарях остро ощущается при исследовании различных вопросов в области осетинского языкознания, в частности, при изучении фразеологизмов как межуровневых единиц языка.

Номинативная природа фразеологических оборотов осетинского языка функционально сближает их с лексическими единицами, с которыми они зачастую вступают в синонимические отношения. Сохраняя эти отношения, автор рецензируемого словаря в качестве основной цели преследует попытку максимального раскрытия внутренней семантики фразеологического оборота как синонима лексемы с нейтральным значением, толкование которого соотносится с демонстрируемым контекстным использованием.

Очень важной особенностью и, очевидно, достоинством словаря является то, что в нем представлены исключительно фразеологиче-

ские единицы осетинского языка. В него не включены пословицы и поговорки, имеющие отличную от собственно фразеологизмов структурную организацию и синтаксический статус. Не входят в него и устойчивые выражения, относимые к малых фольклорным жанрам с различной прагматической направленностью. Такой подход к составлению словаря представляется нам особенно важным в свете того, что в последние десятилетия в научных трудах устойчивые обороты живой речи и фразеологизированные выражения, вне зависимости от жанровой принадлежности и степени спаянности компонентов, входящих в их состав, обозначаются общим термином «идиомы». Это создает определенные затруднения в понимании и изучении такой сложной языковой единицы, как фразеологизм.

При наличии серьезных исследовательских работ и фундаментальных трудов видных ученых-фразеологов, посвященных изучению фразеологизма как самостоятельной единицы языка, часто под термином «идиома» можно встретить обозначения таких самостоятельных жанровых форм, как пословицы, поговорки, а также различные речевые формулы, производные междометия и междометные выражения. При таком немотивированном игнорировании традиционной классификации фразеологических единиц, которое не объясняется никакими сверхзадачами, стоящими перед исследователями, межуровневые отношения языковых единиц утрачивают свою актуальность и нарушается системная организация языка.

Между тем, традиционно *идиомой* принято называть один из видов синтаксических сочетаний с наиболее тесно спаянными и семантически неразложимыми компонентами. Помимо идиомы (фразеологического сращения), академическая классификация фразеологизмов включает в себя единства, сочетания и фразеологические выражения, характеризующиеся как словосочетания с различной степенью семантической спаянности. Все они имеют принципиальные функционально-семантические и структурно-синтаксические различия, на основе которых построена традиционная классификация фразеологических оборотов русского языка. Этой же классифи-

кации поддаются устойчивые обороты осетинского языка, которая успешно применяется при изучении осетинской фразеологии.

Очевидно, что профессор З.Б. Дзодзикова, опираясь на базовые принципы классификации фразеологизмов, включает в словарь собственно фразеологизмы в традиционном их понимании, без включений иных жанровых форм устойчивых выражений. Этот факт особо привлекателен в том плане, что словарь может быть рекомендован, в том числе, и учащимся образовательных учреждений при изучении такого сложного раздела языкознания как фразеология.

Словарь предлагается в качестве учебно-методического пособия, поэтому нелишним было бы наличие в нем соответствующих вспомогательных помет, указывающих на степень семантической спаянности компонентов, входящих в состав фразеологической единицы, что улучшило бы эффективность усвоения отдельных фразеологических групп. Самостоятельное распознавание и вычленение из всего объема богатейшего материала, скажем, фразеологических сращений (*æрхъæцмæ (нæ) хъæцын (нæ) кæсын, нæ лæууын*) – «быть к кому-то привязанным» (с. 24), *гамхуд исын* – «показать истинное лицо (положение дел)» (с. 37), *къæрттæй цъула не 'ппарын* – «гнуть свою линию» (с. 85), *къуырцæвæнмæ æрхæссын* – «дотянуть до последнего», *рацъон бирæгъы сырд* – «гнать с позором» (с. 95), *æвдадзы хос* – «спасительное средство» (с. 16), *сар дæ (уæ) сæр кæны* – «горе тебе» (с. 110), *таппызары хай бауын* – «внезапно исчезнуть» (с. 122) и др.), и определение спектра их значений, как единиц с компонентом, полностью или частично, утратившим свое самостоятельное значение, представляется весьма затруднительным для читателя с любым уровнем владения осетинским языком.

В этом плане полезным могли бы оказаться соответствующие стилистические пометы, способные служить ориентиром во всем представленном многообразии устойчивых оборотов, поскольку многие из лексем, входящих в состав фразеологических единиц, демонстрируют яркий пласт архаичной лексики. Нам представляется это удачным способом привлечения внимания читателя к этим фразеологизмам, которые могут, в свою очередь, выступать благо-

датным материалом для более глубокого понимания и усвоения семантики *архаизмов* осетинского языка.

Следует отметить, что в словаре представлены не только общеупотребительные фразеологизмы с явными признаками стертой метафоры, устоявшейся в языке (*авзаг аныхъуырын* – «язык проглотить» (с. 16), *быны бырын* – «лезть под кого-либо» (с. 34), *къахтæ, къухтæ æфтауын* – «руки, ноги приплести» (с. 86), *къахтыл слауын* – «встать на ноги» (с. 87), *уаелаервты тæхын* – «витать в облаках» (с. 132), *уидагтæ ауадзын* – «пустить корни» (с. 142), *фарсæй фæуын* – «выйти боком» (с. 144) и другие), поддающиеся свободному переложению на русский язык с сохранением внутренней семантики и лингвистического статуса. Наравне с ними в словаре встречаются фразеологизмы с ярко выраженным фольклорным началом, отражающим сложные концептуальные смыслы, которые раскрывают культурные, духовно-нравственные и традиционные воззрения осетин.

Так, немалое количество устойчивых оборотов, включенных в словарь, теснейшим образом связано с традициями, нравами и культурой осетин, без знаний которых раскрытие общей семантики выражения в целях правильного и уместного их употребление в речи невозможно.

В этой связи хочется отметить, что материалы словаря могли бы послужить удачной иллюстрацией при изучении национальной культуры, обычаев и фольклора осетин, в том числе и при изучении соответствующих тем по таким учебным предметам, как «Осетинская литературы», «Осетинский фольклор», «Культура Осетии» и других смежных дисциплин. К примеру, выражения *Рахиз базыры бын бакæнын* – «Накрыть (поместить) под правое крыло» (с. 105), *Амондджын къах авæрын* – «Сделать счастливый шаг» (с. 8), *Фарны къах æрбахæссын (æрбавæрын)* – букв. «Принести (положить) благословенную ногу» (с. 143), *Бæрзондыл бадаг* – букв. «Сидящий на возвышенности», «Всевышний» (с. 28) *Дæ мад, дæ фыды стæн* – «Во имя твоей матери, отца» (с. 43) и подобные являются фразеологизированными формами различных речевых формул, преимущественно положительно коннотатированных и требующих

ограниченный спектр прагматической направленности. В теснейшей связи с традиционными обычаями находятся и фразеологизмы *Сабатизаеры ус* – букв. «Женщина субботнего вечера (о многословной женщине)» (с. 108), *Саута исын* – «Снимать черное» (с. 110), *Туг исын* – букв. «Брать кровь», «кровная месть» (с. 125), *Туг суадзын* – букв. «Испустить кровь», «Жертвоприношение» (с. 126), *Уырдыг лаууын* – букв. «Стоять склоненным», «Обслуживать» (с. 143), *Дæ харзæггураггаг мæн* – формула, предваряющая хорошее известие (с. 45) и другие устойчивые обороты, раскрытие семантики которых невозможно в отрыве от тех обычаев и традиций, отражением которых они являются.

Явное фольклорное происхождение имеют, включенные в состав словаря, фразеологизмы *Уале исгæ – бынаей ахадгæ* – букв. «Сверху забираемо, снизу прибавляемо», «нескончаемый» (с. 132), *Цы заед, цы дуаг сархаста* – букв. «Какой ангел, какой святой тебя принес», (выражение радости от неожиданного визита) (с. 173), *Чи куыдз, чи харæг* – букв. «Кто пес, кто ишак» (восклицание в адрес ненужного человека) (с. 179), *Бон изæр нал кæнын, изæр – бон* – букв. «Днем вечер не наступает, вечером – день» (выражение тревоги по поводу) (с. 30), *Арвы расугъд æмæ бæсты фидауц* – «Краса неба и украшение мира» (с. 12), *Лæугæ хох, цæугæ мæсыг* – «Стоящая гора, ходячая башня» (с. 93) и подобные, которые обладают высокой степенью поэтичности, образности и экспрессивности.

Все перечисленные примеры фразеологизмов, которые нами отобраны из общего состава словаря, демонстрируют богатейшую глубинную семантику и являются ярким отражением, как национально-обрядовой и духовной культуры, так и жемчужинами осетинской словесности, поэтому отсутствие при них сопроводительных словарных помет растворяет их в общей массе общепотребительных фразеологических оборотов, семантика которых вполне выводима из общего значения компонентов, входящих в их состав. Кроме того, не всегда прилагаемый иллюстративный материал способствуют полному пониманию и раскрытию семантики упомянутых оборотов.

В особом толковании и уточнении нуждаются и устойчивые обороты, имеющие явную междометную природу. Придерживаясь традиционного понимания фразеологизма как образного выражения, имеющего в языке свое стилистически ненагруженное лексическое соответствие и потому как класс языковых единиц занимающее межуровневое положение, такие выражения могут быть приравнены к производным междометиям. В лингвистической науке подобные устойчивые обороты речи с непонятной семантикой получили свое название – *коммуникемы*. Несмотря на свою устойчивость, близкое сходство и соотнесенность с междометиями, такие неделимые конструкции функционируют в роли высказывания. Следовательно, при допустимой возможности включения их в состав словаря, коммуникемы требуют особой формы вычленения внутри него.

Таким образом, устойчивые единицы, представленные в виде нечленимых предложений (*Ай бодзæн кæрц нæу!* ~ соотв. «Это не дело!» (с. 8), *(Дæ) бонай уай!* ~ соотв. «Везет же!» (с. 42), *Дæ къух æри!* ~ соотв. «Дожили!», «Поздравляю!», «Приплыли!» (с. 43), *Дæ раттæгыл уай!* ~ соотв. «Эх ты!» (с. 44), *Дæ раны дæ!* ~ соотв. «Ну ты встрял!» (с. 44), *Дæ фæдджитæ æрбадар!* ~ соотв. «Держи капман шире!» (с. 45), *Дæ хуыздæрау фæуай!* ~ соотв. «Ну ты даешь!» (с. 45), *Джызæлы гаурда!* ~ соотв. «Как хочешь!» (с. 53), *Нæ кæрц ма дыс хъуаг уыд!* ~ соотв. «Этого еще не хватало!» (с. 80), *Мæ къона куыд фехæлд!* ~ соотв. «Вот я пропал!» (с. 87), *Мæлæты маркафа!* ~ соотв. «Тоже мне!» (с. 94), *Уанцон нæу!* ~ соотв. «Ничего себе!» (с. 131), *Уæдмæ дар дæ тъæнгтыл хæц!* ~ соотв. «Не дожدهшься!», «Жди!» (с. 131) и другие), имеют мощную экспрессию, но вместе с тем и широкий спектр эмоционального значения. Выражения этой группы весьма неустойчивы в трансляции какой-то конкретной эмоциональной направленности, поэтому требуют особого внимания, которое может выражаться в представлении нескольких вариативных иллюстраций их использования в речи. Это могло бы обеспечить более глубокое понимание всего выражения, а значит уменьшить риск неправильного употребления и, как следствие, возникновения речевой ошибки.

Материал словаря представлен в алфавитной последовательности по начальному слову фразеологизма и не предполагает гнездового построения по ведущему слову. Однако некоторые фраземы образуют произвольные группы ввиду присутствия в них общего начального лексического компонента (например, *зарда* «сердце», *уд* «душа», *цаст* «глаз», *дзых* «рот, уста», *дыуае* «два» и т.д.), что существенно облегчает работу со словарными статьями.

Несомненным достоинством словаря можно считать то, что каждая фразеологическая единица сопровождается толкованием на осетинском языке и вариантом контекстного употребления, взятым из литературных текстов осетинских писателей. Однако отдельные группы устойчивых оборотов, упомянутых нами выше, неразрывно связаны с национальной культурой и этническими представлениями осетин, поэтому нуждаются в расширенной иллюстрации, как вариантами литературного и разговорного употребления, так и примерами использования в самобытных фольклорных текстах. Такая «удвоенная» иллюстрация (если не ко всем, то хотя бы к описанным группам фразеоединиц), существенно увеличила бы ценность словаря, а в отдельных случаях исключила бы субъективное толкование, продиктованное авторским употреблением.

Отмечается попытка автора словаря дополнить отдельные фразеологизмы соответствующими эквивалентами из русского языка, но эти включения носят единичный характер и заставляют читателя ожидать таких переводных соответствий относительно всех устойчивых оборотов в словаре. Между тем, такой подход к построению словарной статьи был бы весьма полезным, не только для учителей средних школ и студентов, но и для всех желающих глубже изучить тонкости осетинского языка и речи.

В рецензируемом словаре отсутствуют некоторые структурные компоненты, свойственные для словарей такого типа. В частности, нет алфавитного указателя фразеологизмов; краткое предисловие носит исключительно общий характер и не служит вспомогательным ресурсом для читателя; отсутствует информация о фразеологизмах как о сложных в логико-смысловом отношении синтак-

сических соединениях, знания о которых оказались бы крайне необходимыми читателям, которым адресуется словарь.

Словарь содержит ценнейший фразеологический материал, который потребовал кропотливого сбора, серьезной обработки и систематизации, и является единственным в своем роде сводом осетинских устойчивых выражений в их классическом лингвистическом понимании. С точки зрения развития осетинского языкознания, и фразеологии в частности, такой подход автора к фразеологизму как к единице языка, является крайне важным и актуальным.

В заключение хочется отметить, что все наблюдения, изложенные нами в данном анализе, носят исключительно доброжелательный характер и продиктованы повышенным интересом к работам подобного плана и стремлением расширить читательскую аудиторию, которая включала бы в себя не только филологов-специалистов осетинского языка, но и всех ценителей осетинской словесности.

Словарь, характеризуемый нами как свод наиболее употребительных и распространенных устойчивых оборотов речи, имеет большое лингвистическое значение и серьезные перспективы стать внушительной основой при составлении большого фразеологического словаря осетинского языка с широким охватом фактического материала и возможным выявлением этимологии представленных единиц; с расширением тезауруса посредством включения устойчивых конструкций из различных афористических жанров, претерпевших определенную степень фразеологизации, или послуживших основой для образования собственно фразеологизмов; с включением в словарь «образных» структурных частей некоторых осетинских речевых формул, свободно используемых в качестве самостоятельных фразеологизированных сочетаний.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Моргоева Лариса Батразовна, старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания, кандидат филологических наук
*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра РАН
РСО-Алания*

пр-т Мира, 10, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362000, Российская Федерация
Lalik_m@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morgoeva Larisa Batrazovna Senior Researcher of the Ossetian Linguistics Department, Candidate of Philological Sciences
North Ossetian Institute of Humanities and Social Research, Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences, North Ossetia-Alania
10, Prospect Mira, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362000, Russian Federation
Lalik_m@mail.ru
SPIN-code: 9547-1930
ORCID: 0000-0003-3725-754X
ResearcherID: J-5680-2018

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ОБРАЗ И ЕГО ЗНАКОВАЯ ПРИРОДА (К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ) Узденова Ф.Т.	12
А.К. ТОЛСТОЙ И Э.Т.А. ГОФМАН. СТИЛИЗАЦИЯ РОМАНТИЧЕСКОЙ, ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ А.К. ТОЛСТОГО Королева В.В.	24
ТАМИЗДАТ. ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ Федин А.А.	40
СИЛЬНЫЕ ПОЗИЦИИ В РОМАНЕ Э. ЕЛИНЕК «ПОХОТЬ» И ИХ ПЕРЕВОД Акашева Т.В., Рахимова Н.М.	52
ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ТЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПОЭМЕ Узденова Ф.Т.	71
НОВЕЛЛИСТИКА ЛУИСА СЕПУЛЬВЕДЫ: НЕОБАРОЧНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ Хорева Л.Г.	84
НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ	
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ФОЛЬКЛОРА СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН Сиражитдинова Н.М.	95

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА	
Моргоева Л.Б.	105
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	116

CONTENTS

LITERATURE STUDIES

IMAGE AND ITS SIGN NATURE (TO THE ISSUE OF THE ETHNOCULTURAL IDENTITY) Uzdenova F.T.	12
A.K. TOLSTOY AND E.T.A. HOFFMANN. STYLIZATION OF ROMANTIC AND GOTHIC TRADITIONS IN A.K. TOLSTOY'S WORKS Koroleva V.V.	24
TAMIZDAT. PROBLEM OF INTERPRETATION Fedin A.A.	40
STRONG POSITIONS IN THE NOVEL LUST BY E. JELINEK AND THEIR TRANSLATION Akashева T.V., Rakhimova N.M.	52
PECULIARITIES OF THE REFLECTION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR THEME IN THE NORTH CAUCASIAN POEM Uzdenova F.T.	71
SHORT FICTION BY LUIS SEPULVEDA: NEO-BAROQUE TENDENCIES Khoreva L.G.	84
SCIENTIFIC REVIEWS AND REPORTS	
HISTORIOGRAPHIC REVIEW OF THE SLAVIC PEOPLES FOLKLORE RESEARCH IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN Sirazhitdinova N.M.	95

REFEREE REPORTS**ON THE LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF PHRASEOLOGICAL
UNITS OF OSSETIAN LANGUAGE**

Morgoeva L.B.	105
RULES FOR AUTHORS	116

Подписано в печать 30.11.2018. Дата выхода в свет 30.11.2018. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 10. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP103/018. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.